

ЕЛЕНА КОЛИНА

Бедные богатые девочки

БАРЫШНЯ II
ХУАНГАН



Елена Колина

**Бедные богатые девочки,
или Барышня и хулиган**

«Елена Колина»

Колина Е.

Бедные богатые девочки, или Барышня и хулиган / Е. Колина —
«Елена Колина»,

ISBN 978-5-17-069583-6

«Барышня и хулиган». Вечная романтика нашей юности. Но... как же порою жизнь отличается от сказок!... Много лет промелькнуло с тех пор, как в жизнь трех подружек – трех «барышень из хороших семей» – ворвался дворовый король Игорь. Дружба ушла, но в судьбе каждой из героинь по-прежнему остался Игорь – друг... любовник... муж... Возможно, первое чувство не умирает никогда и достаточно лишь искры, чтобы оно загорелось с новой силой?

ISBN 978-5-17-069583-6

© Колина Е.
© Елена Колина

Содержание

Даша. 1994 год	5
Соня. 1944 год	10
Подруги. 70-е	11
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Елена Колина

Бедные богатые девочки, или Барышня и хулиган

Все персонажи и события, описанные в романе, – плод авторской фантазии. Все совпадения автор просит считать случайными.

Даша. 1994 год

Декабрь 94-го забыл, что числится зимним месяцем. Вялая безнадежная слякоть, затопившая город, сменялась промозглым ветром, и температура не опускалась ниже нуля. Зима, казалось, не начнется уже никогда. Дома было холоднее, чем на улице. Крошечная облупившаяся батарея никак не могла обогреть тридцатиметровую, с четырехметровыми потолками, комнату. Повернувшись во сне, Даша высунулась из-под одеяла и тут же проснулась от холода. Сознание еще не пробудилось окончательно, но отчаяние мгновенно навалилось на нее черной стеной. Сегодня похороны, всего через пару часов она увидит страшную темную яму... Даша попробовала укутаться в одеяло, выставив наружу только нос, закрыть глаза и еще немного побыть в сонном тепле. Ничего не вышло, черная стена не отступала. Спрятаться не удалось, пришлось начинать день. Намотав на себя все, что попало под руку, она поплелась варить кофе. Пройдя по затейливо изгибающимся темным коридорам, вышла в прихожую и, увидев себя в большом зеркале, усмехнулась: «Чудище-юдище морозоустойчивое». Снизу Даша утеплита себя полосатыми черно-желтыми носками, гармошкой спускавшимися по ногам, а сверху огромным старым свитером, который ее муж обычно брал с собой на рыбалку. Между свитером и полосатыми, в стиле Карлсона, носками торчала розовая шелковая ночная рубашка с эротично-высоким разрезом, уходящим под толстый свитер, и кружевом на подоле, кокетливо выходящим по шерстяным носкам.

Даша выглянула в окно. Скоро разъедутся машины, ночующие во дворе, и появится грузовик, появление которого означает новый день. В Дашин двор выходит черный ход винно-водочного подвала, и грузовик каждое утро привозит в магазин ящики с водкой и дешевым вином. Грязный раздолбанный ленинградский двор-колодец во все времена года и суток – отнюдь не поэтичное место. Вся жизнь двора происходит вокруг магазина. Грузчики, ругаясь, разгружают грузовик с водкой, кто-то выпивает, примостившись у огромной кучи ящиков, часто скандалят, лениво и беззлобно дерутся, и желтый милицейский «уазик» – вполне привычная часть дворового пейзажа.

В центре двора стоят огромные помойные баки, из которых мерзко выпирают останки чужого быта. Дома мусор всегда заворачивали в газеты, сверху изящно обвязывая веревочкой с бантиком. Даша часто выходила из двора задумавшись и внезапно обнаруживала себя, изящно помахивающую мусорным пакетом, то посреди улицы, то у метро, а один раз даже в Гостином, и то только потому, что ей понадобилась рука пощупать кофточку на прилавке.

Даша обвела взглядом двор и посмотрела на градусник, прикрепленный к оконной раме. Минус десять, наконец-то! Можно надевать шубейку. Эта мысль была приятной, ведь норковая шубейка – специальная вещь, не совсем одежда. Она служит не для тепла, а для осознания правильного течения своей жизни. Приятная мысль булькнула пузырьком и ушла. Даша еще немного бездумно поглядела в окно и окончательно проснулась.

Собираясь на похороны своего друга Игорька холодным декабрьским утром, Даша не надела вожделенную норковую шубу. Из груды курток, плащей и пальто рука сама вытянула затерявшееся в глубине шкафа черное солдатское пальтецо, которое она купила еще на первом курсе. Пальтецо Даша не носила лет пятнадцать, но и не выбрасывала, считая, что маленькое черное пальто так же вечно актуально, как маленькое черное платье. Концептуальное пальто все не пригодилось, и Даша окончательно о нем забыла. Она собирала свою одежду как коллекцию и наслаждалась ею со страстью человека, прожившего до тридцати лет в джинсах. В разной одежде чувствовала себя разной – в шубе, например, таинственной и влюбленной... идешь по морозу, глаза блестят, как у Кити: что за прелесть эта девушка! В коротком пуховике можно стать никакой девушкой из толпы, ведь играть в анонимность ой как интересно! Иногда она совпадала со своей одеждой, иногда нет, будто являлась на великосветский бал в кожаной мини-юбке в стиле диско.

Натянув черное пальтецо, Даша взглянула в зеркало. К сожалению, одетой в вечно актуальном маленьком черном стиле она не выглядела. Скорее напоминала гордого своим осознанным выбором посетителя окрестных помоечных магазинчиков «секонд-хенд».

Оглянувшись на скрип двери, Даша увидела высунувшуюся из комнаты Маргошину руку. Рука быстро перевернула картонку. На двери Маргошиной комнаты висела картонная табличка, на которой корявыми буквами было нацарапано «Здесь живет Иден Полякова». Маргоша настолько вжилась в любимый сериал «Санта-Барбара», что вежливо обращалась к себе по имени любимой героини и настоятельно требовала от родителей называть ее только Иден. Даша на рецидив Маргошиного младенчества не отреагировала, и тогда оскорбленная Маргоша злобно вывесила на дверь табличку-памятку со своим истинным именем. На обратной стороне таблички нахальная Маргоша написала «Можно убирать комнату».

Вслед за рукой появилась сама Маргоша, одетая в старую Дашину фланелевую рубашку, из-под которой торчали любимые, вытянутые на коленках пижамные штаны. Выбрав одно из самых неприятных выражений лица своей четырнадцатилетней личности и скривив губы, Маргоша сварливо сказала:

– Ну ты и вырядилась, стыдно так идти! Будет столько людей, ты некоторых со школы не видела, сама говорила. Тебе что, параллельно, что о тебе подумают?

– Нет, мне не параллельно... – задумчиво ответила Даша. – Маргоша, ну какое имеет значение, как я одета! Это же похороны, а не вечеринка, и я там не главный персонаж.

– Главный персонаж на похоронах, очевидно, тот, кого хоронят! – не упустила возможности съязвить Маргошка.

– Отстань от меня хотя бы сегодня, хотя бы на десять минут! – жалобно попросила Даша. – Я как в дурном сне!

– Да, тебе можно городской сумасшедшей нарядиться, а когда я по дому в пижаме шляюсь, кто говорит, что человек всегда должен выглядеть прилично? – склочно завела Маргоша.

– Почему я городская сумасшедшая? Это было очень модно... лет двадцать назад, – рассеянно ответила Даша и еще раз взглянула в зеркало. – Ты, конечно, права, я выгляжу странно.

Однако пойти на похороны следовало почему-то именно в этом полудетском солдатском пальтеце. Даша смотрела на себя в зеркало и видела там вчерашнюю десятиклассницу из их с Игорьком общей юности, а не тридцатилетнюю... допустим, женщину... наверное, взрослую, ведь не взрослые на похороны друзей не ходят.

Маргоша подтянулась поближе и завывала заранее подготовленным воем:

– Я пойду на похороны с вами, ну, пожалуйста!

– Как тебе не стыдно, это же не развлечение, не тусовка, неужели ты не видишь, как я переживаю! Почему я должна еще с твоими глупостями разбираться. – Дашин голос привычно набирал скандальную силу.

– Я прошу тебя, – напряженно сказала Маргоша. – Мне это очень надо. Пожалуйста...

Это прозвучало неожиданно. Подростково-независимая Маргоша никогда не использовала в своем поведенческом репертуаре варианты, хотя бы отдаленно напоминавшие просьбу, а слово «пожалуйста» казалось ей особенно унижительным для взрослого человека. Даша рассеянно пробежала глазами по дочери как по неподвижному объекту и вдруг наткнулась на что-то странное, похожее на страдание, наклеенное на пухлое детское лицо словно неожиданно яркая аппликация. «Что это, почему она страдает без моего разрешения?» – промелькнула идиотическая начальственно-материнская мысль. Устало, заранее сдавшись, она выдала на одном дыхании все сразу:

– Я сказала, нет! Ты никуда не пойдешь! Не надо, ты не понимаешь, как это страшно, когда человек неожиданно умирает в тридцать пять лет. Да еще все его полужены бесконечные будут толкаться, место у гроба делить... Я прошу тебя, останься дома, – безнадежно умоляла Даша. – Ну давай, быстрее одевайся, делай что хочешь... пойдём скорее, уже пора!

* * *

Через месяц после похорон Игорька, пробираясь в Маргошином логове сквозь плотный ком книг, тетрадей, смятой одежды, позавчерашних огрызков и прочих предметов Маргошиной жизнедеятельности, Даша случайно сдвинула с места секретный ящик и застыла от удивления и мгновенно пришедшего понимания. Бедная девочка, бедная маленькая наглая Маргоша, оказывается, была влюблена в Игорька, Дашиного друга детства. Из ящика на пол посыпались фотографии, украденные Маргошей из семейных альбомов: Игорь шутиливо замахивается на робко улыбающуюся Алку, довольный Игорь обнимает тоненькую, с ногами-прутиками, Дашу и Марину, глядящую в объектив, будто стоит лицом к лицу с врагом... трогательные, совсем еще детские лица... а вот повзрослевшие Даша и Игорек в Финляндии, Германии, Испании... Некоторые фотографии Маргоша обрезаала, оставив только Игорька. Игорьки разных лет выпали из Дашиных рук, и неправильные Игорьковы лица с кривой полуулыбкой распределились на полу поверх Маргошиного хлама. Даша уселась на пол, сгребла фотографии в кучу и, тихо всхлипывая, заплакала от жалости к бедной, глупой, такой еще маленькой Маргоше, от тоски по Игорьку и еще от какого-то сходного с обидой чувства. «Почему наши дети растут так быстро, что уже залезают на нашу собственную территорию? – думала она, разглаживая фотографии. – Мы сами еще влюблены в наших мальчиков, нервно курим в туалете, думаем о своих романах, а наши маленькие девочки стоят под дверью и ноют: – Мама, ну когда ты выйдешь, мама! – Покурю и выйду, иди поиграй пока.

И дальше – перебирать «любит, не любит, плюнет, поцелует...». А малышки, оказывается, скоро сами нервно закурят! Содрали розовые бантики и бегут во взрослые любви, отталкивая своих мамочек!»

...Пятилетняя Маргоша всегда ревниво следила за справедливым распределением благ между собой и Дашей.

– Да, мамочка, знаю я тебя, – завистливо говорила она. – Ты и мужов поменяешь, если захочешь, а я в своем синем платье уже на празднике в саду была, и в цирке была...

Задумавшись, Даша не расслышала шороха в прихожей. Дверь распахнулась, и в комнату влетела сначала Маргошина крошечная сумочка, которую она брала в школу вместо портфеля, а следом за сумкой ворвалась сама Маргоша. Взгляд ее в панике остановился на Игорьках в Дашиных руках.

– Что ты здесь делаешь?! – выпучив глаза, заорала Маргоша на пределе склочных сил. – Что... ты... делаешь... в моей... комнате?

Застигнутая врасплох, Даша бросилась в атаку:

– Ты опять отправилась в школу с дамской сумочкой! У тебя в нее даже тетрадка не влезает, но ты же в школу ходишь не учиться...

Разглядев в Маргошиных глазах ужас и беспомощность человека, чью самую сокровенную тайну неожиданно вывесили на доске объявлений, она спохватилась и, пряча глаза, залепетала:

– Зашла к тебе, убрать хотела...

«Вот черт, неудачно!» – одернула себя Даша. Она давно уже решительно объявила Маргоше: «Я берлогу сумасшедшего зверя убирать не собираюсь!»

Лет с восьми Маргоша убирала, вернее, не убирала, сама, и Даша никак не могла оказаться у нее в комнате с целью уборки помещения.

Помимо собственной персоны Маргоша обычно распределяла на кровати все необходимые ей книги, косметику, чистую и грязную одежду вперемешку. Все это, включая тарелки с объедками и саму себя, она накрывала одеялом и преспокойно спала рядом.

Маргоша злобно металась глазами по комнате, старательно минуя Дашу. Ее покрасневшее лицо выражало стыд и одновременно желание сделать вид, что ничего не произошло.

– Я не рылась у тебя, честно, – обреченно ожидая продолжения скандала, сказала Даша. – Фотографии, которые ты выкрала, сами вывалились. Ты бы лучше прятала, – по-свойски посоветовала она.

Она провела рукой по рыжим кудряшкам. Маргоша неуверенно отодвинулась. Между ними давно уже этого не водилось. Маленькая пухлая Маргошка любила валяться в Дашиной постели, обниматься, но в последние годы тактильная близость незаметно исчезла – слишком быстро выросла Маргоша, и слишком медленно, не поспевая за дочерью, выросла Даша.

Она никогда – ни вслух, ни мысленно – не называла Маргошу дочерью, говорила и думала о ней только «мой ребенок». Иметь ребенка не так обязывает, как иметь дочь. Если Маргоша – дочь, то Даша – мать, а вместе они – скульптура Дашиного материнства и Маргошиного детства. Даше не хотелось быть «матерью», а хотелось быть «Дашей». Она покупала себе и Маргоше одинаковые джинсы, разноцветные маленькие рубашечки и заколочки для волос, и нахальная Маргошка была искренне убеждена, что все у них должно быть строго поровну, а если нет, то она, Маргоша, всегда сможет восстановить справедливость путем «прокрадывания в шкаф и украдывания вещей». Настоящие мамы, толстые, уютные, с прическами, в платьях, брошках и туфлях на каблучках, кажется, вообще ушли в прошлое. А хорошо бы, наверное, Маргоше иметь такую толстую маму с вязаньем в руках. Если мама выглядит не так, как дочь, значит, и думает обо всем иначе, а теперь продвинутые мамы до старости подростки в джинсиках. И потому, возможно, не кажутся своим дочерям незыблемой опорой.

Даша отправилась в свою комнату, чувствуя себя точь-в-точь как коктейль, в котором хорошенечко взбили несочетаемые между собой ингредиенты. Фотография, за разглядыванием которой застала ее Маргошка, осталась у нее в руках. Черно-белые Игорек и Даша смотрели друг на друга со схожим выражением неудовольствия и неприязни. «Какая же я была худая, по крайней мере два размера за эти годы наела, – грустно подумала Даша, доставая из своего шкафа старый бархатный альбом с фотографиями. – Посмотрю, оставила мне Маргошища хоть каких-нибудь Игорьков или всех стащила».

Даша улеглась на полу, положив распухший альбом перед собой. Старые черно-белые фотографии были аккуратно вставлены в специальные уголки, а сложенные пачками новые, яркие и глянцевого, просто засунуты между страницами. В альбоме жили две разные жизни. Черно-белая казалась почему-то грустной. Там за Папину руку цеплялась маленькая Даша в спущенных колготках, летом особенно кривоногая и сутулая, а зимой по самый нос замотанная в полосатый шарф.

Прижимая к груди Игорьков, в комнату просочилась притихшая Маргоша. Она расположилась на полу рядом с Дашей, положив юного Игорька перед собой, и уткнулась в него подбородком.

– Маргошка, ты что, действительно была в него влюблена? Он же старше тебя на двадцать лет, – осторожно спросила Даша, боясь спугнуть неуверенное Маргошино доверие.

– Был старше... а теперь я буду расти до него. Расскажи, как вы дружили, – попросила Маргоша.

– Смотри, Маргошка, вот Соня маленькая! – оживилась Даша, всматриваясь в девочку, робко смотрящую на них с выцветшей фотографии.

Маргоша нетерпеливо отмахнулась.

– При чем тут бабушка! Рассказывай про Игорька! – потребовала она тем же капризно-заинтересованным тоном, которым в детстве требовала сказку.

Соня. 1944 год

Соня пошла в первый класс в Одессе. Мама давно умерла, отец воевал, и семилетнюю Сонечку отдали тетке, Лидии Моисеевне Машкович. Маму свою она не помнила, и хотя у нее были тетя Лида, тетя Фаина и тетя Фрида, ни для кого из них Сонечка не стала самой лучшей и любимой. Полусиротство наложилось на ее природную застенчивость, и Сонечка росла очень робкой и тихой девочкой. Говорила всегда еле слышно, не поднимая глаз и теребя рукой подол платья.

В школу Сонечка пошла записываться сама.

Дети расселись по партам, и учительница попросила каждого подняться и назвать себя. Соня в ужасе ждала, когда дойдет очередь до нее, когда придется вставать перед всеми детьми и этой чужой тетей. Наконец, страшная тетя обратилась к ней, дрожавшей как противный и склизкий тети-Лидин кисель.

– Как твоя фамилия, девочка? – спросила учительница.

– Гохгелеринт, – прошептала Соня.

– Громче! – велела учительница. – Я не слышу.

– Гохгелеринт... Соня... Гох... геле... ринт... – Сонин голос прервался. – Я Соня...

– Что ты Соня, я уже, слава Богу, поняла, – начала раздражаться учительница. – Фамилия твоя как?!

– Машкович! Машкович моя фамилия, – дрожащим голосом пролепетала несчастная Сонечка, ожидая, что ее немедленно выгонят из класса за вранье.

Учительница удовлетворенно кивнула головой и аккуратно занесла в классный журнал тети-Лидину фамилию, не расслышав ее до конца. «Машкова Софья», – записала она.

Присвоить чужую фамилию было, конечно, неопишным преступлением. «Но если, – думала Сонечка, – я хотя бы была Машкович... все-таки это не так страшно... но быть какой-то никому не ведомой Машковой, вообще не существующей на свете... непростительно!» Долгие три месяца Соня провела в ужасе, что обман раскроется и за жизнь под чужой фамилией ее посадят в тюрьму.

Кошмар закончился, когда тетя Лида пришла в школу узнать, как учится ее племянница. Сони Гохгелеринт в школьном журнале не обнаружилось. Тихая племянница оказалась необычайно злокозненной и вранливой девочкой, которая каждое утро, как Буратино с букварем под мышкой, отправляется в школу и попадает в другое место. Не успев даже удивиться, тетя обнаружила в списке фамилию, схожую со своей, и обо всем догадалась. Под своей родной труднопроизносимой фамилией Соня зажила спокойно, не обижаясь на то, что в классном журнале ее сокращали когда до «Гохгелер.», когда до «Гохг.». Пусть строчка короткая, зато в переводе фамилия значит «высокоученый», очень красиво. А с какого языка это перевод, Соня не знала. Что было лучше для маленькой девочки в военное время – иметь еврейскую или немецкую фамилию? Ясно, что «оба хуже».

Подруги. 70-е

Волшебно, фантастически изменилась жизнь! Переехали! Из постылой, облупившейся, как некачественная игрушка, пятиэтажки в центр, в старый дом на углу Невского и Садовой! В огромную квартиру! Называется «обмен с доплатой»!

Квартира находится на последнем этаже бывшего черного хода. Лестницу доходного дома XIX века невозможно сравнить с лестницами современных панельных домов. Четвертый, последний, этаж ее равняется по сложности восхождения двадцатому современному по крайней мере, именно так каждый раз думает Даша, со злобным сопением преодолевая лестничные пролеты, взметнувшиеся почти перпендикулярно полу, как разведенные над Невой мосты.

На лестнице живет крыса по имени Фаина. Имя Фаина заискивающе одомашнивает крысу, делая мысли о ней не такими страшными. Если Фаина мечется под Дашиными ногами, то Даша всегда действует одинаково: непроизвольно встает на цыпочки, вытягивается в столбик и тоненько, на одной ноте выводит: «И-ииииии...». Фаина то появляется, то пропадает, но мысль о возможной встрече с ней не оставляет Дашу никогда. Если ее кто-нибудь провожает во время особенной Фаиной активности, она всегда просит о дополнительной услуге: войти с ней в подъезд и, постучав ногами, громко и уверенно сказать: «Фаина, уходи!» Только после этого Даша, забыв попрощаться, пулей несется вверх.

Соседствующий с магазином подъезд не только служит Фаиным пристанищем, но и бесхитростно используется как общественный туалет всеми посетителями винно-водочного подвала. Перебраться через лужу на первом этаже и миновать встречи с Фаиной еще не гарантия удачного восхождения по экстремальному маршруту.

Жуткая эта лестница имеет такие крутые повороты, что не видно, есть ли кто-нибудь на площадке в конце пролета. Несколько насильников одновременно могут примоститься в потаенных лестничных закоулках, даже не подозревая о присутствии друг друга. Заранее приготовившись к худшему, Даша поднимается по лестнице, затаив дыхание и озираясь по сторонам. Быстро взбежать по лестнице почему-то кажется неправильным, слишком примитивным и беззаботным, надо именно красться, прислушиваясь и замирая при каждом непривычном звуке.

Итак, попасть домой не так уж сложно: привычно перешагнуть лужу, кликнуть крысу Фаину, попищать, подрожать, и ты уже звонишь в дверь, облегченно вздыхая.

Жить в самом центре, в пяти минутах от Невского, было потрясающе, невероятно и каждодневно празднично. Расставленные в ряд серые панельные пятиэтажки делали своих жителей такими же серыми и простенькими, как они сами, и оскорбляли лично Дашу, заставляя чувствовать себя муравьем среди других муравьев, копошащихся в своих квартирках, похожих на полки в стенном шкафу.

Когда Даша жила в Московском районе, любые посещения театров и музеев были мероприятиями общесемейного значения. Снаряжались в поход, сначала шли пешком до трамвайной остановки, недолго, всего минут пятнадцать, потом ехали шесть остановок до метро, затем полчаса на метро до Невского проспекта.

Утомившись от суетливой вылазки в центр и чувствуя себя собственными провинциальными родственниками в каракулевых шапках-пирожках и ратиновых пальто, совершали этот путь в обратном порядке. На метро, на трамвае, пешком на свою полку в шкафу, и – быстро спать. Даше казалось, что Дворцовая, Зимний, атланты, Летний сад не принадлежат ей, будто родители привели ее в гости и вежливо думают: «Да, красиво тут у вас. А вот в нашем районе есть кинотеатр „Планета“, тоже неплохо».

Переехав в центр, Даша внезапно ощутила себя человеком, по праву владеющим всей ленинградской красотой, ведь утром она теперь прищуривалась на адмиралтейский шпиль, в

булочную бегала на Невский, а до любого театра или музея можно было догулять от Садовой за десять минут.

Карабкаясь по страшной черной лестнице домой, она годами заклинала судьбу: «Пожалуйста, пусть со мной ничего не случится...» И, поднося руку к звонку, мысленно благодарила: «Спасибо, спасибо!» Зато теперь она счастливо выплевывалась из двора на Невский и радовалась, что утром первыми перед ее глазами предстают кони на Аничковом мосту, а не грязно-серые кубики хрущевки.

Огромная квартира, в которую Даша переехала из скучных новостроек Московского района, имела затейливо-неправильную, извернутую форму. Квадратная прихожая как комната, от нее в глубь квартиры ведут извилистые, с неожиданными поворотами, узкие коридорчики. За коридорами обнаруживались темные комнатки-предбанники с глубокими стенными шкафами. В этой квартире-загадке удобно играть в прятки и плести интриги.

Потолки высокие, почти четыре метра, пустые комнаты как спортивные залы. Комнат три, но квартира настолько велика, что в нее можно запихать несколько трехкомнатных малогабаритных крошек. Вот этот коридорчик ведет на кухню, по сравнению с остальными грандиозными помещениями совсем крошечную, метров десять. Все равно здорово, ведь в старой квартире у Папы был кабинетик еще меньше, чем эта кухня. Вот эта дверь ведет в туалет, дверь открываем, а там еще одна прихожая, затем коридорчик и, наконец, туалет, тоже непривычно большой. Из туалета на лестницу выходит крошечное окошко. Можно тихонечко прокрасться, посмотреть, кто звонит в дверь, и закричать «у-у-у!», если этот кто-то свой.

Сониная подруга тетя Ада была такой дородной, громкоголосой, шумной, что выпирала из их хрущевской квартирки, как медведь из теремка. Даша всегда думала: как же она, бедная, располагает себя в их крошечном туалетике? Попа на унитазе, а грудь, значит, снаружи? В туалете новой квартиры тетя Ада сможет распределиться вольготно.

– А зачем в туалете окно? – спрашивает Даша.

– Отстреливаться. – Папа приоткрывает небольшое окошко, выходящее на лестницу, и удовлетворенно гладит форточку. Ему нравится его новая квартира и новая жизнь. Ему только что дали кафедру, он самый молодой в институте доктор, профессор, завкафедрой.

Соня была робко счастлива. Быть откровенно счастливой она боялась, опасаясь таинственных будущих несчастий гораздо больше, чем реальных трудностей.

– Не может быть все так хорошо! – Вглядываясь в даль, она неуверенно пыталась передать свои ощущения Папе.

– Ты этими вечными страхами неосознанно пытаешься договориться со своим еврейским Богом, чтобы он тебя хранил и не трогал, – отвечал Папа.

Соня не соглашалась, объясняла мужу, что равно не имеет отношения ни к иудаизму, ни к православию, но на время успокаивалась и переставала думать, что их жизнь неожиданно прервется несчастьем.

Ей нравилось быть профессорской женой.

– На работе сказали, что мне не повысят оклад, потому что другим важнее, а мой муж – профессор! – рассказывала она дома, лаская Папу глазами.

Обставлять новую квартиру было для нее неизведанным удовольствием. Раньше покупка любой новой вещи, будь то пылесос или новое платье для Даши, становилась семейным событием. Теперь Соня могла забежать мимоходом в Гостиный и, выстояв очередь, схватить сразу несколько пар туфель. Соне везло: с работы домой она ходила теперь через Гостиный Двор и довольно часто с виноватым видом возникала в дверях, держа в руках пакет или коробку.

Ей так по-детски откровенно хотелось быть красивой и нарядной, что Папа только качал головой и покорно хвалил покупки.

– Да, замечательно, красиво, молодец, что купила. А разве ты на прошлой неделе не приносила точно такое платье? – хитро блестя глазами, интересовался он.

– Это совсем, ну просто совершенно другое, вот посмотри, материал и фасон... – Сонино лицо покрывалось нежным румянцем, она волновалась, прижимала руки к груди и убеждала в необходимости покупки именно этого платья. На самом деле Папа ничуть на нее не сердился и был так же доволен покупкой нового платья, как и всеми предыдущими. Соня радовалась так трогательно, что ему хотелось ее баловать.

Исполнилась Сониная мечта, Дашу отдали наконец в английскую школу. Лето с репетитором, сумасшедшие деньги – и Дашин английский довели до среднего уровня спецшколы. Она способная, читает и переводит уже не хуже своих сверстников, учивших язык с первого класса. Трудно только исправить произношение, испорченное прежней пролетарской школой. Так говорит репетитор, строгая филфаковская дама Анна Владимировна.

Анна Владимировна отличается от учительниц в старой школе даже не как лебедь от утки, а как лебедь от червяка. Она очень красиво, стильно одета: белая рубашка-батник, вокруг шеи цветной платочек. Кожаный черный пиджак. У Сони такого пиджака нет, а сама Даша о нем даже мечтать не смеет, это не пиджак, а знак другой жизни.

Однажды Даше приснился сон. Она вышла на звонок в дверь, а за дверью никого нет, только стоит чемодан. Даша чемодан домой принесла, открыла, а там... белые, черные, голубые рубашечки! У нее дух захватило от счастья! Даша схватила белый батник, развернула, а он рваный, и все остальные рубашечки тоже рваные. Она проснулась на мокрой от слез подушке и сразу поняла, что рубашки были рваные, потому что ей это еще не положено, она их не заслужила.

В сумке у Анны Владимировны всегда лежит английская книжка в глянцевой цветной обложке, такие книги не продаются в ленинградских книжных магазинах. Она живет в другом, очень желанном для Даши мире. Даша хочет попасть в этот мир, поэтому старается изо всех сил, отрабатывает произношение, перед зеркалом засовывает язык между зубами, сводит глаза в одну точку и произносит старательно самый предательский звук – звонко уже получается, а глухо пока не очень.

В новой школе Даша сразу подружилась с Алкой Поповой, невысокой, одного с ней роста, девочкой со стандартно красивой фигурой и небольшим треугольным личиком с мелкими незначительными чертами. Всегда чуть приоткрытые узкие губы, открывающие ровные зубки, и слегка вздернутый нос, сложившись, образовывали хорошенькую настороженную мышку. Оригинальность ее незапоминающемуся личику придавала некая тень татаро-монгольского ига – неожиданно узкие глаза и низко растущие темно-каштановые волосы. В Алке очевидна очень близкая татарская кровь, но она об этом не рассказывает. Или не хочет рассказывать, скрывает, что понятно и неудивительно. Зная, что она еврейка, Даша сама себя тоже формально числит русской.

В конце первого класса только что научившимся писать детям велели заполнить анкету. Милая улыбчивая толстощекая учительница вместе с завучем, тощей теткой в синем кримпленовом костюме и белобрсым начесом, ходили между рядами и объясняли первоклассникам, как отвечать на вопросы. В графе «социальное положение» надо написать «из рабочих» или, если твоя мама, к примеру, врач или инженер, тогда «из служащих». Даша – «из служащих». Она ни за что бы не хотела быть «из рабочих», хотя хорошо запомнила, какие жалкие глаза были у Папы, когда ее не взяли в английскую школу, и как переживала мама из-за того, что «служащие», видимо, похуже, чем «рабочие». Еще была графа, которая называлась «девичья фамилия матери». Маминой длинной фамилией «Гохгелеринт» Даша очень гордилась.

Завуч взяла у Даши листочек, показала учительнице, и они долго над чем-то вместе смеялись, поглядывая на нее. Любимая учительница, к которой Даше всегда хотелось прижаться – такая она была уютная, – вдруг показалась совсем чужой. Что могло быть там, в ее листочке,

смешного, она не поняла. Фамилия, конечно же, очень длинная, такой длинной нет ни у кого, но зато какая красивая! На всякий случай Даша понимающе поулыбалась вместе с учителями. Откуда-то она знала, что глаза у нее при этом были такие же жалкие, как у Папы, когда ее не взяли в английскую школу. «У меня сейчас глаза собачьи, – подумала она. – Когда человек чего-то не понимает, ему от этого неловко и обидно. А он при этом еще старается не подавать виду, что расстроен, вот тогда у человека как раз и получается собачье выражение глаз».

Даша убеждена, что русской быть спокойнее, тем более что в новом классе, кроме нее, евреев нет.

Алкину невозмутимость невозможно нарушить. Учится она неважно, на физике, например, Алку вызывают к доске каждый урок и каждый раз ставят двойку. «Не понимаю я электрический ток, не понимаю, и все тут», – спокойно говорит Алка и в очередной раз плывет за своей двойкой, даже не делая попыток хоть что-нибудь ответить.

– У тебя же мама физику преподает, – говорит ей Даша, удивленная безразличием человека, имеющего подряд восемь двоек. – Пусть она тебе объяснит...

В ответ Алка машет рукой – не важно, все это не важно.

Алка живет медленно и плавно, находясь вне временных рамок и обязанностей.

В воскресенье утром она звонит Даше.

– Дашка, ты что делаешь?

– Уроки, а ты?

– И я уроки.

Через два часа Даша звонит сама.

– Алка, пошли гулять, – зовет она. – Я уже все сделала.

– Не могу, – задумчиво тянет Алка. – Я уроки делаю. Уже почти начала.

День проходит. Села, встала, походила по квартире, прилегла, по телефону поболтала. В одиннадцать вечера она звонит Даше, спрашивает, а что вообще-то по русскому задано. Да, и еще по истории, она не записала...

Самолюбивая Даша училась отлично, воспринимая редкие проходящие четверки как трагедию и личный позор. Учиться было легко, и родители к урокам никакого отношения не имели. Только однажды она задала Папе какой-то вопрос, и кончилось все большим скандалом, потому что Папа решил – раз уж такой вышел случай – заодно проверить состояние Дашиного портфеля, ведение дневника и количество отточенных карандашей. Состояние дел его не удовлетворило. Обычно задумчиво-молчаливый, срываясь в фальцет, он кричал на Дашу, называя неряхой и тупицей, потому что она, его дочь, задает идиотские вопросы о том, что каждому дураку известно... Легко было догадаться, что просить помощи больше не стоит, себе дороже...

Алка ни за что не хочет носить очки, хотя видит плохо. Когда ее вызывают к доске, она специально медленно поднимается, а Даша мгновенно строит для нее на парте пирамиду, чтобы близорукая Алка могла прочитать ответ на вопрос учительницы. Внизу портфель, сверху учебник или тетрадка, Даша ей еще пальцем в текст тычет, что именно читать.

На первом уроке Алка всегда дремлет. Старается дремать с открытыми глазами, но иногда у нее не получается.

– Попова, ты что, спишь?!

– Нет-нет, что вы!

– У тебя же глаза закрыты! – возмущается химичка.

– Это я просто так надолго моргнула, – невинно отвечает Алка.

Даша чувствует себя с ней спокойно, как с мамой. Нет нужды, приходя в школу, тревожно проверять, дружит ли она сегодня с Дашей. Безопасные отношения, в которых нет ожидания

подвоха и опасения предательства, непривычны для Даши. Она привыкла, что любой секрет или слабость могут быть использованы против тебя. Как на войне.

* * *

В старой школе у Даши имелись две подруги. В классе Даша и обе Иры держались особняком. К одиннадцати годам все трое отличались повышенным интересом к взрослой жизни, гордились ранней менструацией и презрительно называли одноклассниц недоразвитыми малявками. Даша училась лучше всех в классе, а одна из Ирок, толстая Ирка Гусева, на литературе и истории у доски гордо и чуть пренебрежительно рассказывала то, чего на уроках не проходили. Издали толстую Ирку принимали за взрослую женщину. У нее была совершенно зрелая теткинская фигура с большой грудью, на которой почти параллельно полу лежал пионерский галстук.

– Ирка, ты, когда посуду моешь, руки над грудью или под грудью держишь? – смеялись подружки.

– У меня неправильный обмен веществ, а большая грудь, между прочим, очень привлекает мужчин, – гордясь своей женской статью, отвечала похожая на пионервожатую-переростка Ира.

Вторая Ирка, Кузнецова, по сравнению с тощей кощеистой Дашей и по-женски статной Гусевой выглядела чрезвычайно привлекательно. Светловолосую ладненькую девочку со стройными ножками, высоко открытыми коричневым школьным платьем, мужчины частенько провожали глазами на улице, а уж старшеклассники свистели вслед всегда. Иркин отец ходил в дальние рейсы и привозил ей из своих плаваний одежду невиданной красоты. К тому же все Иркины вещи были не детские, а такие, что при случае их могла бы надеть взрослая женщина: узкие платья, блузки в блестках, черные лакированные туфли. Нельзя сказать, что Даша мечтала о таких блестящих туфельках с перепонками, просто при виде этих туфель у нее что-то физически происходило в животе.

Если Ирке случайно покупали пальто в соседнем «Детском мире», то выбирали приталенное, подчеркивающее фигурку, а не дурацкое прямое, да еще и красное, с блестящими пуговицами, как у Даши. Даша в нем была похожа на пожарника или на адмирала. Иркиной маме важно, чтобы было красиво, а Дашиной – чтобы было тепло. Соня в это красное адмиральское пальто умудрилась вшить двойной слой ватина для утепления. Пола пальто из-за этого оттопыривалась, и казалось, что у тощей Даши неожиданно толстый живот. Даша старалась это оттопыривание убрать и поэтому ходила, непрерывно наглаживая себя правой рукой по животу. Если правая рука была занята, то левой. Идет девочка, может, у нее живот болит, вот она себя и гладит.

Еще у Даши всегда, сколько она себя помнила, была кофточка. Кофточка не просто вариативная деталь одежды, а безусловный и неперенный атрибут Дашиной жизни. «Холодно, надень кофточку!», «Сними кофточку, жарко!», «Возьми кофточку с собой в театр». Имелась всегда одна нарядная кофточка и одна каждодневная. Где Даша, там и кофточка! Даша с кофточкой не дружила, считала, что зря кофточка за ней по жизни вьется, но тут Соня была тверда: кофточка – это святое. В общем, Дашу одевали потеплее, старательно выбирая самые дорогие и уродливо-бесформенные вещи, будто специально сшитые для «девочки из приличной семьи».

Ирка самая первая, когда все еще только мечтали расстаться с косами, подстриглась под мальчика, что очень шло ее аккуратному скуластому личику. Ире Гусевой родители никогда ничего не запрещали, ей самой нравился ее длинный хвост, а когда Даша упросила наконец отрезать ее тощую косичку и сделать стрижку, как «у всех девочек», Папа с Соней два дня не разговаривал. . . Вот какие родители, не родители, а звери! Косичку Папа унес к себе и спрятал в письменный стол, в дальний ящик.

Ирка Кузнецова была гением, гением жизни, теоретиком быта.

– Дашка, Ирка, я в жизни не осилю столько книг, сколько вы уже прочитали, – смеялась она. – А про жизнь в сто раз больше вас знаю.

Действительно, для своих одиннадцати лет она понимала «про жизнь» удивительно много, а чего не знала, то планировала в ближайшее время непременно узнать и уложить на нужную полочку в своей хорошенькой головке. Дашин Папа, намекая на ее страстное любопытство, называл ушлую Ирку «типичный старый нос».

На перемене Даша и Ира Гусева, максимально приблизившись к Иркиным ушам, округляют глаза от удивления.

– Девочки, биологичке изменяет муж, – корчит страшную рожу Ирка.

Биологичка – полная тетка в спущенных чулках с прической-башней. Девчонки совершенно уверены, что в белобрысой башне у нее консервная банка. Биологичка никак не ассоциируется в их сознании с изменами и любовью.

– Я когда-нибудь ошибалась, начитанные вы мои? Почему она стала такая сумасшедшая, орет на каждом уроке? – Ирка делает страшные глаза. – Ей не хватает половой жизни!

– Ирка, ты гинекологический гений! – восхищаются подруги.

Читать она не любит и вслед за сказками подробно изучила только серый том под названием «О супружестве». Даша выкрала для Ирки дефицитную книгу из дома на два дня под честное слово, а Ирка неделю читала и в тетрадочку что-то выписывала, не могла расстаться, хотя Даша ей каждый день злобно шипела:

– Ты что, хочешь, чтобы меня родители убили?!

Теперь, начитавшись вдоволь и сделав конспект, Ирка с полным знанием дела уверяет:

– Она такая нервная, потому что ей не хватает секса. Зачем она мужу, такое страшилище, у нее во время полового акта консервная банка из головы может выкатиться! Он с ней только ради детей живет! А сам изменяет!

Ира Кузнецова большей частью жила вдвоем с мамой, отец появлялся в их крошечной однокомнатной квартирке раз в полгода. Отца Ирка не любила, не успевала к нему привыкнуть, ей казалось, что он неуютно нарушал их устоявшуюся жизнь. На блондинистой голове Иркиной матери всегда проступала полоска некрашенных черных волос. На себя ей времени не хватало, с утра до вечера она стригла, красила и причесывала клиентов в районной парикмахерской, насыщаясь подробностями чужих жизней. Вечерами они с Иркой обсуждали то, что удалось добыть за день, начинали за вечерним чаем и продолжали в темноте в постели. Так они и жили без отца – душа в душу.

Однажды Ирка заставила Дашу и Иру Гусеву поклясться самой страшной клятвой.

– Не скажу никому и никогда! – повторяли девчонки, дрожа от желания узнать Иркин секрет.

– Вы знаете, что от родительской кровати до моего дивана метра три, – торжественно начала Ирка. – Они меня громко спросили, сплю я или нет, и я, конечно, сделала вид, что сплю, и лежала тихонечко, и тогда мой папа... Ира Гусева покраснела пятнами, а Даша начала нервно подергивать свой черный передник. Родительский секс – даже в собственных мыслях запретная тема, мама с папой не могут делать эти сомнительные гадости, это невозможно представить! Даже чужие, но знакомые родители... нет, не могут!

– Ну, Ирка, может, не надо об этом... – протянула Гусева, надеясь, что Ирка продолжит рассказ.

Девочки скривились от стыда и неловкости, но страстное желание узнать, как ЭТО бывает по-настоящему, а не в книгах, заставило их жадно глотать все подробности ночной жизни Иркиных родителей, которые ей удалось подслушать и подсмотреть со своего дивана.

– Что вы кривитесь, как будто ваши родители этим не занимаются, – отметив испуг подруг, уверенно произнесла Ира. – Думаете, они просто ложатся спать... ха-ха! Они ложатся и спят вместе!

После Ира Гусева брезгливо сказала Даше:

– Фу, как говна наелась, какая же Кузнецова все-таки пошлая!

– Мы сами тоже хороши, – честно признала Даша. – Не надо было слушать! Знаешь, я теперь не смогу у нее бывать, мне кажется, Иркина мама поймет, что мы знаем, как это у них бывает.

После этих откровений некоторое время девочки с Кузнецовой не дружили. Ирка искалочно на них смотрела, а они, глядя сквозь нее, проходили мимо. Кузнецова – считали они – слишком разошлась, но сердились скорее не на нее, а на свое собственное грязенькое любопытство. А Ирку за это наказывали.

Впрочем, они очень редко находились в состоянии дружбы вдвоем, чаще Даша дружила с одной Ирккой, а вторая, временно отвергнутая, ждала своего часа и переживала. Иногда Даша оказывалась третьей лишней и тогда шла в школу с тяжелым сердцем. Она представляла, как на переменах будет изображать ненужную суету, чтобы не выходить из класса, не стоять одной у стены и не ловить насмешливые взгляды обеих Ирок. Затем наступала очередь Ирки Кузнецовой жалобно заглядывать в лица подруг, следом приходил черный день для Гусевой, хотя она была самой независимой и переносила отверженность лучше остальных. Даша долго ерзала, стараясь занять в этой дружбе с перетягиванием место посередине и стать самой близкой для каждой Ирки. Так, надеялась она, ей будет в этих отношениях безопаснее. И меньше вероятность, что в один прекрасный день ее выгонят из дружбы не на день-два, а навсегда. Тогда наступит ужас, ужас, ужас, потому что одной быть невозможно!

Главный предмет в английской школе, конечно, язык. Даша и Алка на английском лучшие в группе, единственная проблема – домашнее чтение. Даше не нравится читать «Трое в лодке...», и девочки договариваются разделиться. Алка все подстрочно переведет, а Даша к следующему уроку напишет эссе о творчестве Джерома. Перед уроком хитрюга Алка, потупив глазки, жалобно говорит:

– Дашка, не ругайся, ну совершенно времени не было...

– А на сон и на еду у тебя нашлось время? – ехидно спрашивает Даша, лихорадочно соображая, что делать.

Надеяться на Алку было глупо и непредусмотрительно, теперь Елена вкатит им по двойке, а Даше нужна пятерка в году. Средний балл аттестата учитывается при поступлении в институт.

– Дашка, я кое-что придумала... – Алка гордо достает из портфеля желтую книжку: Джером К. Джером «Трое в лодке, не считая собаки», перевод под редакцией М. Лорие, 1957 год.

На уроке девочки, с невинными лицами передавая друг другу под партой книгу, с выражением читают остроумный профессиональный перевод под редакцией М. Лорие.

– Коробова, Попова, неплохо! У вас есть чувство языка, но очень много неточностей, – оценивает работу М. Лорие англичанка Елена Васильевна.

Девочки преданно смотрят ей в глаза и кивают:

– Конечно, вы правы, Елена Васильевна, в следующий раз мы сделаем лучше.

Потом Елена спрашивает остальных, а Даша с Алкой полностью свободны, давась от смеха, обсуждают, почему Елена, хоть она и немолодая уже женщина, ей целых двадцать восемь лет, совершенно не следит за собой и вообще, блондинка она или брюнетка? Волосы у приятно пышной старухи натурально золотистые, значит, блондинка.

– Посмотри на ее ноги, она волосы на ногах не бреет... – шепчет Алка.

Через прозрачные чулки видна поросль черных волос, значит, Елена все-таки брюнетка.

Окрыленная успехом авантюры с домашним чтением, Алка предприняла еще одну попытку справиться с Елениными заданиями. Она умолила свою тетку, одну из лучших преподавательниц факультета иностранных языков в университете, написать за нее эссе на тему «Юмор в произведениях английских писателей XIX века». На странице изысканного текста, легко и изящно написанного университетской дамой, толстая добродушная Елена Васильевна размашисто написала «Тема не раскрыта!» и поставила даме тройку.

Уроки физкультуры были неприятностью, с которой девочки старались по мере возможности бороться. С бодрой мужеподобной физкультурницей они вели затяжную занудную войну за форму. Для нее, весь год ходившей по школе в синем трикотажном спортивном костюме с белыми полосками, было принципиально важным, заправлены ли носки под штрипки спортивных штанов или надеты поверх штрипок. Почему? Ведь и так и так ужасно! Может быть, если попробовать надеть носки поверх штрипок, будет не так уродливо? В перманентном сражении за собственную привлекательность девочки выиграли единственную позицию – им разрешили заменить черные трусы, напоминающие парашют, на менее унижительные синие тренировочные штаны, тоже, впрочем, катастрофически превращающие легкие девичьи фигурки в бесформенные мешки.

Алке трудно давались прыжки в высоту, она так истерически боялась планки, что каждый раз, подбежав к ней, останавливалась под общий смех, краснела, надувалась, пробовала снова, бежала, закусив губу, и опять замирала.

Даша бегала и прыгала со смешными результатами, не напрягаясь, считая спорт занятием заведомо недостойным интеллигентного человека, но по-настоящему ненавидела командные игры. «Коробова, не кривляйся, из-за тебя команда проиграет!» – орала басом крепкокожая низкозадая физкультурница. Вокруг Даши все носились с мячом, откуда-то зная, что надо делать и куда бросать мяч, только одна она стояла, не понимая, куда девать руки и ноги, глупо улыбалась и надеялась, что не понадобится в игре и никто ее не заметит. Звенел звонок, и по окончании ненавистой физкультуры девчонки немедленно возвращались в себя – красивых, умных, гордых.

Бодрая физкультурница ушла в декрет, и на смену ей пришел флегматичный Александр Евгеньевич, мгновенно распустивший привыкших к строгости девочек. Приблизительно через урок они подходили к нему и томно тянули громким шепотом: «Александр Евгеньевич, мы сегодня не можем...» Через месяц он, не выдержав, спросил: «Вы что, все хором делаете?» Тогда, рассчитывая, что у физкультурника может просто зарябить от них в глазах, они решили запутать его и стали подходить поодиночке, ловко меняя очередность, пока добрейший Александр Евгеньевич не заорал: «Коробова, ты в этом месяце уже третий раз не можешь! Быстро переодеться! А ты, Попова, без записки от матери ко мне даже не подходи!»

Невозмутимая, как корова на лугу, два раза в год Алка плакала и нервничала. Кроме секрета происхождения ее татарских глазок в Алкиной семье была еще одна тайна, переставшая быть тайной для Даши, когда однажды в мае после школы девочки забежали к Алке, чтобы перекусить, бросить портфели и отправиться в кино. Взбежав по старинной лестнице с узорчатыми перилами, они увидели Алкину мать, Галину Ивановну, сидящую на корточках на грязном полу. Рядом с ней стояли две пустые бутылки.

– Алка, «Скорую» надо вызвать, бежим звонить! – закричала Даша.

Алкино лицо жалко скривилось, глаза наполнились слезами. Она молча подняла худенькую, как девочку, Галину Ивановну, и они втроем вошли в квартиру.

– Мамочка, пойдем ляжем, – ласково, но решительно приговаривала Алка. – Тихонечко пойдем, я тебя уложу...

Алка приникла к маме, как будто они были единым телом, а Даша все топталась в прихожей, не смея пойти вслед за ними. А когда Алка вернулась, нерешительно спросила, не вызвать ли все-таки врача.

– Ты что, не поняла? – бесстрастно произнесла Алка. – Она пьяная. Пойдем на балкон, я покурю.

Даша вытаращила глаза, ей даже в голову не приходило, что они с Алкой могут курить, а их родители – так выпить, чтобы лежать в подъезде, как алкоголики...

Девочки вышли на огромный балкон, Алка вытащила сигареты из-за цветочного горшка Галины Ивановны, страстной любительницы цветов. Боясь поднять глаза, Даша смотрела вниз, на Фонтанку.

Медленно, прерываясь на всхлипывания, Алка рассказала Даше историю в том виде, что знала сама.

Галина Ивановна окончила институт с красным дипломом, потом увлеченно училась в аспирантуре. Перед защитой диссертации вдруг появился Алкин отец, молодой лейтенант, и увез Галину Ивановну к месту службы на Дальний Восток. Там, в военном гарнизоне, Галина Ивановна родила Алку. А потом затосковала. Жалела о незаконченной диссертации, скучала по Ленинграду. Так скучала, что начала пить. И теперь два раза в год у нее бывает... ну, в общем, бывают... запой, это можно вылечить, она же не алкоголичка, а больная, вылечить трудно, но можно!

– Давай я с тобой посижу, пока твой папа из академии не придет, – предложила Даша, и до позднего вечера они сидели на Алкиной кровати, шептались, не переставая что-то жевали, хихикали и пытались делать уроки, которые даже старательной Даше показались вдруг не самым важным в мире делом.

Пришел Алкин отец, высокий, плотный, с красным лицом и постоянно открытым в полу-улыбке ртом. Казалось, что он вот-вот скажет «га-га-га!». Выйдя от Галины Ивановны, он злобно посмотрел на Алку и, не в силах сдержаться, заорал:

– Почему мать пила сегодня?!

Уперев в Дашу палец и разглядывая ее так, что она втянула голову в плечи, сурово спросил:

– А эта что здесь делает?!

Алка замельтешила, забежала глазами, залепетала что-то невнятно. Даша задом выпятилась из комнаты и убежала, забыв у Алки портфель.

«Конечно, каждому неприятно иметь свидетелей в такой ситуации, – думала Даша, прыгая по лестнице. – Алка, наверное, потому такая вялая, что отец на нее всегда орет».

Алка боялась, что Даша в ужасе от нее отшатнется, но эта история как-то по-родственному сблизил подруг. Имей Даша какую-нибудь тайну, она для равновесия отношений доверила бы ее Алке, но никаких тайн в ее распоряжении не нашлось. Она жалела Алку во время запоев матери, случавшихся с точностью часового механизма дважды в год, весной и осенью. Остальное же время даже не помнила, что милая, умная Галина Ивановна, преподававшая физику в педагогическом училище будущим училкам, ведет себя как настоящая алкоголичка.

Шелестящим голосом Галина Ивановна ласково обращалась к мужу и дочери: «Алексей, дорогой... Аллочка, пожалуйста...» – и огромный неуклюжий полковник со всех ног бросался выполнять ее приказание. Хрупкая и на вид беспомощная, она умело маскировала приказание робкой просьбой, как будто ожидая немедленного грубого отказа. Отказа не следовало ни в чем. «Несчастливая наша мама», – с придыханием говорил полковник, нежный с женой и непрерывно орущий на Алку. Отец с дочерью вместе наслаждались службой тишайшей Галине Ивановне, которая управляла ими железной рукой. Когда полковнику все нравилось, он командовал Алкой, как взводом солдат, а если в доме шло что-то не так, распекал, как нерадивого сержанта. Отец держал ее в постоянном страхе, а мать искусно манипулировала любовью. Самой Алкой никто не интересовался.

Раньше отец проявлял к ней больше внимания. До девятого класса Алка обязана была встречать его с работы с дневником в руках, и если отметки были не те, что ожидались, тут же получала дневником по физиономии.

«Ты уроки сделала? Покажи!» – каждый вечер бодро рокотал полковник. Дрожа лицом, Алка обреченно волоклась к нему с тетрадками. Она старалась днем и ночью быть готовой к родительскому досмотру, как заключенный к обыску, но все же редкий вечер обходился без скандала.

Галина Ивановна в домашнее воспитание не вмешивалась, не желая тревожить действительно замечательную преданность своего мужа. Возможно, думала, что преданность мужа при ее «болезни» сохранять удобнее и безопаснее, чем ссориться с ним из-за замученной муштрой дочери. В своей семейной жизни она делала все, что могла, старалась. Например, готовила обед. Когда Даша обедала у них, то всегда чувствовала себя неловко. Ей казалось, что от нее ожидают восторгов. Алка искусственным ангельским голосом каждую минуту приговаривала: «Как вкусно, мамочка, спасибо, мамочка!» А полковник, расплываясь в широкой улыбке, скандировал над супом: «Наша мама – молодец!» Даша ловила себя на том, что с идиотической улыбкой смотрит на Галину Ивановну и тоже сейчас начнет ласково напевать, как будто поощряя дебила. «Сейчас полковник растает, – раздражалась она. – Мама тоже готовит обед, и ничего, никто ее за это не восхваляет, просто скажут спасибо, и все».

Даша даже несколько преувеличивала их с Папой благодарность за Сонин обед, поскольку обедали они все вместе крайне редко. Она прибегала домой днем и в одиночестве съедала свою котлету или вытаскивала куриную ногу из бульона. Соня возвращалась с работы в семь, когда Даша была еще не голодна, и ела на кухне, уткнувшись в журнал. Ужинали бутербродами, не отрываясь от книжек, уже в постели. Папа забегал из института всегда в разное время, в зависимости от расписания лекций. После вечерних лекций он приходил поздно, а по субботам часто сидел дома с очередным аспирантом, и тогда Соня по несколько раз подавала им в кабинет кофе, а сами они с Дашей располагались на диване с книгами и едой.

Папа вносил немалый вклад в ведение домашнего хозяйства. Утром Соня собирала его в поход, который назывался «за кефиром». «Соня! Где моя кефирная сумка?» – гордо вопрошал Папа и отправлялся в соседний магазин. Возвращался он, позвякивая стеклянными бутылками, с небрежным, чуть усталым выражением лица человека, выполнившего свой долг, невзирая на трудности. «Еще ряженку добыл», – важно произносил Папа, водружая сетку на стол, и ждал, когда Соня его похвалит.

В первый день после осенних каникул на втором уроке истории в девятом «Б» появился директор, а за ним уверенно вошел парень в зеленой стройотрядовской куртке, подчеркнута взрослый на фоне девятиклассников, напоминающих крупных мышей в своих мешковатых серых костюмах.

– Это Сергей Селиванов, он будет учиться с вами, – произнес директор, опасливо кося глазом в сторону доски, словно боясь, что его будут ругать.

Директор, невысокий шуплый дяденька в вечно помятом костюме, был единственным, кроме физкультурника, мужчиной в школе. Он с большим пиететом относился к своей жене, историчке, дородной щекастой тетке, выпирающей в разные стороны из своих платьев и с таким широким задом, что на него можно было поставить чемодан. Ученики пребывали в полной уверенности, что дома историчка бьет директора и лишает сладкого за провинности. Воспитанный в строгости, директор на всякий случай опасался всех учительниц, находящихся у него в подчинении.

Парень в стройотрядовке, ни на кого не глядя, прошел к свободному месту на последней парте. Его проводили опрокинутые от зависти глаза мальчишек и заинтересованные взгляды девчонок. У Даши внутри что-то тоненько прозвенело, началось в животе, пощекотало в груди и вышло наружу страстным шептанием в Алкино ухо: «Алка, он мне нравится, умираю...».

Ежедневно Даша посвящала некоторое время своему несчастью: несколько минут она горестно рассматривала свой нос, а потом стояла, прижавшись носом к дверному косяку для выпрямления горбинки. Проклятая горбинка никуда не девалась. «Говорят, что нос растет всю жизнь», – с ужасом думала она, представляя, что огромный горбатый нос, разросшийся на ее лице как неряшливый гриб, свисает на щеки и закрывает подбородок.

«Коробова, ты жуткая уродина, – мрачно беседовала она сама с собой. – Ноги как спички, к тому же кривые... а нос, что это за нос, большой, горбатый. У тебя никогда не будет мальчика, и замуж ты не выйдешь, будешь творить добро, как положено старым девам...»

На самом деле в этом ежедневном ритуале было гораздо больше уютного домашнего кокетства, нежели безнадежной горести. Под предлогом рассматривания собственного носа Даша томно любовалась собой, придавая лицу разные выражения – то восхищенное и задумчиво-влюбленное, то строгое и обиженное. «Я ужасно зависимая, во всем завишу от других, – думала она. – Независимый человек всегда одинаковый, ему никто не нужен, чтобы быть самим собой, скучным или веселым, все равно... Если меня любят, восхищаются... тогда я слышу специальный внутренний звоночек, могу быть обаятельной, остроумной, завоевать любого, кого захочу. В общем, иду на звоночек, как баран!»

Почувствовав неодобрение, она действительно мгновенно сникала и гасла, становилась скучной, некрасивой, иногда даже начинала заикаться. «Может, у меня вовсе нет внутренней сути, – размышляла Даша. – Я существую только как отражение отношения других людей... как сморщенный мячик, который наполняют воздухом и он оживает, а не надуют, так и будет лежать ненужной резиновой тряпочкой. Я кукла, вот что! А кукловодом служит чужая симпатия или неприязнь; но уж если уродилась такой, что можно поделаться!»

На первой же перемене Даша поймала заинтересованный взгляд Сергея, цепко выхватывающий ее из толпы девчонок. Внутренний звоночек прозвенел так громко, что ее тут же понесло в улыбки и взгляды, и настолько удачно, что после уроков загадочный мальчик в стройотрядовской куртке нес Дашин портфель и уже хотел носить его всегда.

Сергей рассказал, почему он так впечатляюще возник посреди года и посреди урока. В те годы существовала целая система присмотра за «трудными подростками», и в одном из лучших вариантов такого присмотра «трудного» отправляли со студентами в стройотряд. Вот он как раз и был таким «трудным подростком». Он поведал Даше довольно невнятную историю о том, как после развода родителей его отправили в английский интернат для будущих дипломатов, где, решив отомстить за развод, он и стал «трудным». Матери пришлось забрать его из интерната. У нее имеется молодой, на десять лет моложе, любовник, и взрослый сын ей абсолютно не нужен, впрочем, как и отцу, знаменитому засекреченному ученому-физику.

Не будучи злостным вруном, он только слегка расцветил свою реальность драматическими оттенками, так ему казалось интересней и достойней.

Обычно же он мало говорил сам и очень внимательно слушал Дашу. Между ними сразу повелось, что он сильный и опытный, а она умная, поэтому Даша бесконечно что-то плела о родителях и знакомых, о книгах и спектаклях.

Почти два года, до конца школы, каждое-каждое утро, сбегая по лестнице, Даша небрежно бросала Сергею портфель, и от ее дома на Садовой до школы они шли уже вместе. Так и ходили: она вешала, а он внимал.

Свой первый сексуальный опыт Сергей получил, будучи «трудным подростком», в стройотряде, и с тех пор у него периодически бывали женщины. Он старательно на это намекал, объясняя, что с Дашей у него любовь на всю жизнь, но его мужской организм требует того, что положено взрослому мужчине, а с маленькой романтической отличницей ему достаточно платонических отношений.

Даша восторгалась честностью, с которой он рассказывал о своих женщинах, и тем, что оберегал ее от настоящих мужских страстей. Особенно она восхищалась Сергеем за то, что у его честного организма есть половые потребности.

Однажды Даша случайно услышала, как Соня напряженным голосом спрашивает свою школьную подругу Аду:

– Адка, как ты думаешь, Даша целовалась с этим своим школьным мальчиком?

– Целовалась, конечно, если она у тебя нормальная! – ответила грубоватая Ада. Соня промолчала, не поверив.

Между стеснительной Соней и не менее стеснительной Дашей классическая беседа на тему «откуда берутся дети» так и не состоялась. Единственный случай хоть малейшего признания существования связанных с полом проблем произошел, когда в Крыму Соня с одинадцатилетней Дашей пошли вместе в пляжный душ. Застенчиво опустив глаза, чтобы не видеть неожиданно округлившуюся грудь дочери, Соня с явным усилием сказала:

– У тебя может вдруг пойти кровь... оттуда... – Она неопределенно показала вниз. – Ты не пугайся, это значит, что ты становишься взрослой.

Конкретизировать выросшая без матери Соня так и не смогла, и все остальное Даша поняла из стыдливых недомолвок советских книг и из классики, оставлявшей больше простора для воображения.

С первого класса она находилась в отдельных отношениях со школьной библиотекаршей. Милая круглолицая Розалия Наумовна любила Дашу и часто сама выбирала для нее книги. «Почитай вот это», – и протягивала первоклашке Даше «Повесть о Зое и Шуре» или «Четвертую высоту». «Как, ты уже прочитала?» – удивлялась на следующий день.

В конце дня, когда ребята переставали роиться у ее высокой конторки, на зависть остальным, она пускала очкастую фаворитку к полкам. Даша вдыхала пыльный книжный запах, затаив дыхание, гладила книги.

Наконец школьная библиотека полностью себя исчерпала, как и огромный домашний книжный шкаф. В этом шкафу книги стояли в три ряда, а еще лежали сверху, а также были пристроены сбоку и навалены поперек. Каждый раз, когда она открывала шкаф, книги вываливались на Дашу камнепадом. Неохваченной оставалась только домашняя кладовка, крошечное помещенье в спальне, похожее скорее на стенной шкаф и предназначенное строителями хрущевок для хранения всяческого хлама. В кладовке, где с пола до потолка стояли коробки с книгами, Даша и коротала все свободное от уроков время. Стоя на табуретке под темной пыльной лампочкой, она прочла «Декамерон», Дидро, Платона, погружаясь в мир сексуальных откровений и поглядывая на часы, не идут ли родители. Подумав, они, конечно же, предпочли бы, чтобы их дочь получила сексуальное воспитание из литературы, а не из дворового фольклора. Но что-то убедительно подсказывало Даше, что родители будут обескуражены, застав ее в кладовке на табуретке с неприличными книгами в руках.

Книги, прочитанные в детстве на одной ноге в темной кладовке, сделали из нее человека, теоретически осведомленного о сексе в самых разнообразных его проявлениях.

Поздней осенью они с Сергеем долго гуляли по Стрелке, ужасно продрогли и промокли и как-то случайно, неторжественно поцеловались, когда Сергей прислонил Дашу спиной к гранитной стене и наклонился к ней, стараясь закрыть от пронизывающего ветра. Весь девятый класс они гуляли, беседовали, иногда целовались, не позволяя себе ничего большего.

Даше с Алкой удалось обмануть толстую англичанку преклонных годов Елену Васильевну с переводом, но в свои двадцать восемь лет та многое помнила из собственной школьной жизни, прекрасно разбираясь в отношениях между мальчиками и девочками. Расположенная к отличнице Даше, Елена Васильевна присмотрелась к образовавшейся в девятом «Б» паре, книжной девочке из хорошей семьи и не по возрасту взрослому «трудному подростку». Клас-

сическая школьная пара легко может прийти к классическим же неприятностям, решила она. Оставив Дашу после уроков, Елена Васильевна уселась с ней за одну парту, оттеснив широким задом испуганную девочку на самый край, и проникновенно спросила:

– Скажи-ка, Коробова, а что у тебя с Сергеем Селивановым? Я имею в виду сама знаешь что... – Она значительно понизила голос.

– Ничего, Елена Васильевна, мы только несколько раз целовались. – Даше было неловко, но промолчать она не посмела. К тому же англичанка так ласково на нее смотрела.

– Коробова, учти, поцелуи бывают разные. Целоваться можно, но нельзя допускать неправильных поцелуев. Они могут привести к... нехорошим последствиям! Ты меня поняла?!

– Да, – испуганно ответила Даша в полном недоумении. – Спасибо, Елена Васильевна.

Через год Даша наконец поняла, что имела в виду заботливая англичанка. Теперь у Даши бывали разные поцелуи: правильные с быстро меняющимися мальчиками и неправильные с Сергеем. Такие поцелуи Елена Васильевна не одобрила бы ни за что.

Сергей действительно вел необычную для школьника взрослую жизнь. Он не ладил с матерью, вздорной истеричной толстухой, назначившей мальчишку отвечать за то, что ее бросил муж. В десятом классе отец, уставший от истерик бывшей жены и требований забрать сына, снял ему на Литейном комнату в гигантской коммуналке с бесконечным вонючим коридором, увешенным велосипедами и тазами.

Сквозь неромантические следы чужого распада, уворачиваясь от грозящих свалиться предметов, Даша пробиралась к своему первому сексуальному опыту. В заставленной чужими пыльными вещами комнате они с Сергеем пили чай, разговаривали и целовались.

Однажды, целуя Дашу, Сергей потерял над собой контроль и, приподняв коричневое школьное платье, быстрым движением погладил ее через колготки между ногами. Дашу как будто электричеством прожгло от его прикосновения, она откинула голову и подалась к Сергею, а ноги вдруг чуть расставились сами... За стеной в коридоре раздавались голоса соседей, но она ничего не слышала. Рука Сергея уже была в Дашиных трусиках, Даша изогнулась сильнее, поплыла куда-то и еще шире развела ноги... Свободной от Даши рукой Сергей потянулся вниз, быстро расстегнул брюки, а через секунду, почувствовав непривычное прикосновение, она пришла в себя и молниеносно оттолкнула его.

Трусики и синие колготки из «Детского мира» вернулись с коленей на место. Быстро натянутые трусики, соприкоснувшись с телом, мгновенно оказались мокрыми. «Неужели я описалась?» – в ужасе подумала Даша.

Потом они молча пили чай, не глядя друг на друга. Казалось, уйти сразу неловко, лучше сделать вид, что ничего не было.

Даша не представляла себе, что для нее, такой рассудочной, возможно перестать владеть собой хоть на минуту и оказаться полностью зависимой от рук Сергея. Теперь она намеревалась немедленно вернуть свою независимость. Для этого требовалось принять полный спокойствия вид, совладать с ним и – главное – с собой, с тем пугающе новым, что она открыла в себе на чужой продавленной кушетке.

Платона с его описаниями гомосексуальной любви Даша прочитала, а вот с медицинскими аспектами секса не была знакома. Прожив неделю в страхе после своего падения, измученная страшными мыслями, Даша не выдержала и сдалась Алке.

– Послушай, – испытующе глядя на Алку, сказала она. – Как ты думаешь, я не могу быть беременна?

Медленно, с трудом выбирая подходящие слова, Даша описала сцену в коммуналке.

– Сергей, кажется, немножко разделся и, кажется, прикоснулся ко мне своим... ты понимаешь...

– А что ты чувствуешь? – надуваясь от собственной значимости для всегда безукоризненной Даши, важно спросила Алка.

– Меня тошнит, прямо с того дня тошнит, и сейчас тоже тошнит, – накручивала себя и Алку Даша.

– Моя двоюродная сестра узнала, что она беременна, только когда ребенок начал шевелиться. Ей никто не верил, но я-то знаю, что она правда не знала!

Даша замерла в ужасе.

– Не бойся! Я точно знаю, как проверить, беременна ты или тебя тошнит от чего-нибудь другого, например, от желудка, – авторитетно заявила Алка. – Сунь два пальца в рот. Если беременна, ни за что не вытошнит.

– Два пальца в рот? – переспросила Даша доверчиво. – Но я не могу... мне противно!

– Давай я! Мне для тебя не противно.

Верная Алка, не поморщившись, действительно сунула Даше два пальца в рот, и девочки тут же успокоились – Дашу фонтаном вырвало прямо на Алкин черный передник.

В ответ на Дашину откровенность Алка страшным шепотом поведала Даше свою историю.

– Какая же ты зараза, почему ты от меня скрывала, я тебе все рассказываю! Так в детстве было, я тебе покажу свой секретик, серебряную бумажку под стеклышком, закопанную в укромном месте, а ты за это мне свой секретик покажешь, – обиженно торговалась Даша.

– Это слишком страшное! Если кто-нибудь случайно узнает, меня из школы выгонят!

Алка не умела делать «свечку» и садиться на полушпагат, а для сдачи норм ГТО и, следовательно, пятерки по физкультуре полагалось исполнить и то и другое. Аттестат Алкин никуда не годился, и пятерка по физкультуре была необходима. Она старалась, полушпагат уже почти получался, а проклятая «свечка» никак не выходила. Тогда пожилой, с помятым лицом физкультурник Александр Евгеньевич неожиданно предложил ей прийти к нему на дополнительный урок. Алка удивилась, дополнительные уроки практиковались только по математике и русскому языку, никому не пришло бы в голову заниматься дополнительно даже, к примеру, биологией, а уж физкультурой и подавно. После уроков благодарная Алка пришла в зал.

Физкультурник владел крошечной комнаткой в углу зала, где у него стоял стол, шкаф со спортивной одеждой, а на полу лежал мат. На этот мат он и предложил лечь Алке, предварительно заперев дверь.

– Почему ты не ушла, когда увидела, что он закрывает дверь на ключ? – Даше показалось, что Алка немного присочиняет.

– Я сначала не поняла, думала, так надо для занятий... а когда он стал меня везде гладить, испугалась так, что не могла слова сказать! Он же учитель!

Алка никогда не придумывала, да и сейчас рассказывала безо всяких эмоций, поэтому Даша поверила. Любя Алку, она шутила про себя, что той не хватит ума что-нибудь соврать.

– Он больше ничего со мной не сделал, только всю обслонявил и отпустил. Сказал, что у меня будет пятерка в году.

Даше показалось, что Алка не то что не расстроена, а вполне довольна пятеркой, но на всякий случай решила отвлечь ее от грустных мыслей.

– Хочешь, я научу тебя целоваться, – предложила она. – Смотри, надо делать губы вот так...

С тех пор как Даша испытала свой первый оргазм и убедилась, что не беременна, Сергей перестал ей нравиться. Большей частью она испытывала к нему какую-то потаенную враждебность, неосознанно обвиняя его в своем раздвоении. Безукоризненная отличница Даша, никогда не нарушавшая общепринятых правил, хорошая, очень хорошая девочка, регулярно, никак

не реже раза в неделю, умирала от желания прийти в коммуналку к Сергею, якобы небрежно уступив его просьбе выпить чаю и погреться, ведь долго гулять по улицам холодно, правда же?

Так близко к потере девственности она больше не бывала, между ними каждый раз происходила всего лишь борьба за колготки. Разноцветные детские колготки, с трудом добываемые в паре с Алкой в «Детском мире», стали бастионом Дашиной девичьей чести. Чай, все более натянутая беседа, поцелуи, потом Сергей прикасался к ней через тонкую ткань колготок, мгновенный оргазм, и сразу же острая неприязнь. Выдумывая предлоги, она торопилась домой, а через неделю все повторялось заново.

Сергей вызывал у нее теперь только раздражение. Ей уже не нравились его простоватое, с широким носом лицо, коренастая фигура, коротковатые ноги. Даша уверяла себя, что с ним скучно, рассказывая ему что-нибудь, она беседует сама с собой, его же куцые мысли ей совсем неинтересны. Она, не стесняясь, одергивала его как опостылевшего мужа.

Мягкий и уступчивый, Сергей ничуть не был виноват в том, что его подружка внутренне сопротивлялась первому сексу. Соня так искренне принимала отсутствующий вид при малейшем намеке на все связанное с полом, что Даша подсознательно была убеждена: хорошие девочки сексом не занимаются, так же, как и их родители. Красивый секс в подарочной глянцевои упаковке существует только в книгах и фильмах, а в жизни за ним следуют неловкость и стыд...

Алка спросила как-то у мамы, часто ли у нее бывает секс с папой, и мама ответила: «Два раза в неделю. По средам и субботам». Представить подобный разговор с Соней все равно что в космос полететь.

У Алки с Дашей появилась новая подруга. Марина Весницкая пришла в английскую школу на Суворовском в десятом классе, когда девочкам уже разрешили вольности в форме. Можно было носить темное платье, юбку с белой блузкой или со свитером, только неярким. Все поспешно расстались с надоевшей за десять лет формой, только Алка с Дашей демонстративно носили коричневые платья с черными передниками и, как малышки, подвязывали хвостики белыми бантами.

Коротенькие школьные платьица волнующе смотрелись с детсадовскими бантиками. Платья были так коротки, что мальчикам даже не нужно было искоса поглядывать на них с нижних лестничных ступенек, маленькие девичьи попки целиком были на виду.

Кокетничая с собственным детством и играя в маленьких школьниц, взрослые девицы так вжились в роль, что зимой, как первоклашки, на виду у всех, без стеснения, задирали платья и снимали рейтузы прямо у зеркала в школьном вестибюле. Круглая попка, высокая грудь, а сверху на всем семнадцатилетнем очаровании детсадовский бантик... Чистейшее кокетство, игра, но отпускать детство навсегда не хотелось.

Марина появилась в школе, одетая в точности как Даша с Алкой, в коричневое платье и черный передник, только бант ей повязать было некуда, густые светлые волосы топорщились на ее голове модной стрижкой.

Девочки часто обсуждали, кого можно считать красивой, а кого только симпатичной или хорошенькой. Даша, по их совместной градации, проходила как хорошенькая, а учителя часто называли ее красивой. Разглядывая огромные зеленые глаза и нос с горбинкой, они одобритительно говорили: «У Коробовой породистое грузинское лицо».

Мамины подруги, папины знакомые и просто люди на улице часто называли ее красивой девочкой. Папа, довольно улыбаясь, шутил: «Красивый кто-то другой!» Сама же Даша все детство провела в абсолютной уверенности, что люди просто сочувствуют ее уродству и хотят сделать приятное бедной Соне, у которой так не удалась дочка.

Соня ее убеждение поддерживала, интеллигентно считая, что жизнь избалованной вниманием и комплиментами девушки будет трудной и всего необходимо добиваться своим тру-

дом, а не внешностью. Поэтому, услышав что-то лестное о Даше, она всегда делала специальное строгое лицо и, покачивая головой, лицемерно произносила что-нибудь вроде: «Всем девочкам говорят, что они красивые, это ничего не значит». Или: «Просто некоторые люди любят говорить незначашие комплименты». Получившая по носу дочь огорчалась, все больше утверждаясь в своей ужасающей некрасивости, а Соня, удовлетворенная своими педагогическими пассажами, считала, что Даша у нее получает правильное воспитание.

Даша, перестав задумываться о своей внешности, не считала себя неудачной уродкой, как в детстве, но красота теперь не имела для нее никакого значения. Откуда-то возникла уверенность, что она, со своими кривыми ногами и горбатым носом, может привлечь любого, кого захочет.

– Как ты это делаешь, Дашка? – удивлялась Алка. – Я знаю, ты смотришь специальным взглядом...

– Да, сначала загипнотизирую, как кобра, а потом съем! Или притворюсь бабушкой и смотрю ласково, а потом окажусь серым волком и все равно съем!

Ей казалось, что без меры прочитанные в детстве романы сделали ее опытным путником в любовной стране.

Алку взрослые не считали красивой, ей не досталось ни одного учительского комплимента. С узкими глазками и чуть приплюснутым носиком-пуговкой, ее можно было вежливо назвать всего лишь симпатичной, но за счет безукоризненно стройной фигурки и чудной мягкости лица она нравилась мальчишкам и взрослым мужчинам не меньше, чем красивая Даша.

– Дашка, ты ужасно нравишься нашим училкам, они считают тебя самой красивой девочкой в классе! – Ей было приятно похвалить Дашу.

– Подумаешь, в классе, подумаешь, училки, это же женщины... зато ты больше меня нравишься мужчинам!

Таким образом, обе были собой вполне довольны.

Новенькую, Марину Весницкую, подруги посчитали красивой безо всяких оговорок, красивой для женщин и для мужчин. Пепельная блондинка с глубоко посаженными серо-зелеными глазами, темными бровями и небольшим прямым носом была бы хороша, как конфетный фантик, если бы не сжатые в узкую полоску губы и необычно жесткий взгляд, направленный прямо в глаза собеседнику. Даша обычно мягко смотрела приблизительно в область глаз, а Алка и вовсе куда-то в сторону отводила взгляд, смотреть человеку прямо в лицо ей казалось неловко. Жесткий взгляд Маринину красоту не портил, а очеловечивал, «озлобнивал», как выразилась Даша, с завистливой неприязнью изучая новенькую.

– Ей надо похудеть! – заметила гордая своей великолепной фигурой Алка, рассматривая высокую, длинноногую, но излишне крепкую Марину. Удовлетворенно решив, что по общей сумме баллов они не хуже Марины, девочки простили ей яркую красоту.

Как-то после уроков Алка и Даша, уже натянув куртки, завязывали шнурки на одинаковых туфлях с модной «тракторной» подошвой, доставшихся подругам благодаря Сониным прогулкам по Гостиному. Вдруг перед ними возникли стройные ножки в тонких колготках.

– Можно я буду с вами дружить? Остальные девчонки в вашем классе, по-моему, ужасные дуры, – решительно произнесла Марина.

Алка только растерянно хлопнула ресницами, а Даша польщенно ответила:

– Конечно, можно! – И, не удержавшись в желании сделать приятное, добавила: – Ты красивая, наши мальчишки сегодня весь день перед тобой кривлялись.

Марина улыбнулась:

– Юля говорит, что красота еще не факт биографии, с ней надо правильно обращаться.

– Кто это Юля? – тут же приревновала Даша.

– Юля – это моя мама, она лучший гинеколог в Ленинграде, ее все знают. Представляете, как трудно было перевести меня в эту школу в десятом классе? Только Юля могла, она заведующей горно недавно аборт делала.

– А почему ты ушла из старой школы? – еще не приняв новенькую, неодобрительно спросила Алка.

– У меня конфликт был с одной училкой, она бы мне точно на экзамене тройку вклеила. Даже Юля ничего поделывать не смогла. – Марина явно не хотела вдаваться в подробности.

В кафе на 2-й Советской, рядом со школой, поглощая один за другим коричневые шарики крем-брюле, Марина рассказала девочкам, что живут они с Юлей вдвоем совсем рядом, на Некрасова. Отец ее, тоже врач, ушел от Юли пять лет назад.

– К какой-то медсестре, она даже одеваться не умеет, – презрительно пояснила она.

Алка, подперев щеку, горестно покачивала головой. В кругу ее отца, среди военных, разводы не водились, и она никогда еще не сталкивалась с неполными семьями. Даша просто слушала, радовалась новой подруге, ей очень Марина нравилась.

– У моего отца есть еще дочка. – Маринино лицо скривилось. – Но я, конечно, главная! Юля говорит, что старший ребенок – наследник всего!

Почему идет речь о наследстве, девочки не поняли, но уточнять на всякий случай не стали, боясь показаться Марине несмышлеными малявками. Позже выяснилось, что Юля знала, о чем говорит. Как только у ее бывшего мужа появилась еще одна дочь, она настаивала, упраскивала, давила и умоляла, чтобы он на всякий случай уже сейчас перевел на Марину оставшуюся ему от отца-академика огромную дачу в Репине и немедленно отдал старшей дочери бабушкины кольца, «цацки», как говорила Марина, бывшая в курсе подробностей Юлиной борьбы.

Даша с волнением ждала знакомства с Юлей, понимая, что по-настоящему подружиться с Мариной можно только с одобрения Юли.

Маринка с Юлей жили в маленькой двухкомнатной квартирке на втором этаже, окна которой выходили на памятник Маяковскому. До революции весь второй этаж занимала семья шведского посла, а потом большевики разодрали огромную квартиру на части, построили перегородки, и вышло много маленьких квартир.

– Двухкомнатные квартиры в центре большая редкость, – гордо рассказывала Маринка. – Знаете, как долго Юле пришлось разменом с отцом заниматься, она непременно хотела жить в центре. Отцу досталась однокомнатная в Кировском районе, а что, он сам виноват, ушел от нас к медсестре. Юля сказала, что ему и этого слишком много.

В маленьких комнатах толпились пузатые антикварные комоды, вплотную друг к другу стояли столики на высоких резных ножках. Девочки пробирались к дивану у окна, стараясь не задеть расставленные повсюду старинные вазочки и фарфоровые фигурки. Даша сделала вид, что находится среди антиквариата для нее вполне привычно, а бесхитростная Алка поинтересовалась:

– Откуда у вас столько старинных вещей?

– Это все моего дедушки-академика, папиного отца, он давно умер.

Маринка вышла в туалет, и Алка смешливо прошептала Даше на ухо:

– Прямо как в сказке. «Чьи это поля?» – завывала она страшным голосом. – «Это поля маркиза Карабаса!»

Когда Юля вошла в комнату, Даша с Алкой, вскочив от испуга, выстроились у дивана, как солдаты на плацу. Юля оказалась не толстой, но крупной женщиной с ярким, чуть оплывшим лицом. Они с дочерью были совершенно не похожи. В Юлином лице и фигуре не было, казалось, ни одной мягкой линии, а Маринка вся состояла из симпатичных округлостей. Из ее округлостей выстреливал прямой жесткий взгляд, а светловолосая, с широким правильным лицом Юля, будто перекатываясь взглядом по волнистой поверхности, смотрела сразу в лицо,

в рот, в руки и даже, кажется, между ногами. Даша и Алка сразу вспомнили, что Юля – гинеколог, и как-то обе поджались.

Ласково улыбаясь, как добрый следователь в кино, Юля любезно и подробно расспросила девочек, где они живут и кто их родители.

– Папа – полковник, мама преподает физику, – отрапортовала Алка.

– Папа – профессор, живем на Садовой, квартира сто двадцать метров, – постаралась понравиться Даша.

Решив, что дочери профессора и полковника годятся Марине в подруги, Юля немедленно подобрела, начала девчонок кормить, показывала свои и Маринины детские фотографии, шутила, передразнивала своего главврача из института Отто. Она так очаровала Алку с Дашей, что, вынырнув из подъезда к памятнику Маяковского, они удивились, что наступил вечер. Влюбившись одновременно в Марину и Юлю, Даша старалась бывать у них теперь как можно чаще. Обычно разделяющая все Дашины мнения Алка сохраняла настороженность.

– Наша новая подруга полностью унаследовала от Юли ее борючесть, вот увидишь! – утверждала она ревниво. – На ее пути лучше не попадаться, если не хочешь, чтобы тебе откусили нос.

Носы Маринка еще никому при них не откусывала, но смотреть умела так сердито, что представить человека, у которого хватит смелости ее обидеть, было невозможно. Ей удалось поставить на место даже умную желчную Анну Ивановну.

Маленькая, с крошечным обезьяньим личиком Анна Ивановна преподавала в старших классах русский язык и литературу. Она не считала мальчишек достойными своего острого злобного язычка объектами, зато девочки, больно оскорбить которых было легко, истерически ее боялись. Анна Ивановна всегда медленно прохаживалась между партами, вкрадчиво заглядывая в лицо жертве.

– Почему ты грызешь ногти на руках? – сладко улыбалась она. – Я могу предложить тебе лучший вариант: сними ботинки и начинай грызть ногти на ногах!

Красная от стыда девочка послушно начинала всхлипывать в ладони.

Дашу она не трогала после того, как та гордо сообщила, что роман «Мать», который они долго мусолят на уроках литературы, – плохой, слабый, и не только Даша так считает, а вообще в определенных кругах к творчеству Горького принято относиться иронически.

– В каких таких кругах? – подозрительно поинтересовалась Анна Ивановна, но, усмехнувшись, не потребовала ответа. Она сама знала, в каких кругах, и причисляла себя к тем же.

К Алке, милой и непритязательной, она обычно тоже не вязалась, считая, видимо, что по-настоящему обидеть ее жалко, а чуть-чуть неинтересно. Через неделю после Маринкиного прихода в класс Анна Ивановна, выслушав Алкин ответ по «Поднятой целине», всего-то и сказала ей:

– Ответ твой, Попова, глупый. Лепетала, лепетала, а тему не раскрыла. Громыхаешь бессмысленно, как пустая кастрюля! Садись... Попова от слова «попа».

Алка трогательно вытянула трубочкой дрожащие губы, уставившись узкими глазками в пол. Но тут поднялась спокойная Маринка.

– Анна Ивановна, вот вы – человек умный и интеллигентный?.. – с вопросительной интонацией произнесла она, делая долгую паузу, и улыбнулась, не желая заканчивать фразу.

– Садитесь, адвокат Весницкая, – задумчиво ответила Анна Ивановна, ничуть не рассердившись.

– Маринка, ты запросто могла и в нашей школе конфликт учинить! – восхищались девочки. – За все годы ей впервые возразили!

– А я с ней не конфликтовала! Что я ей такого сказала? Что она умная? Так я ее похвалила! Какие ко мне претензии?

Маринке нравится мальчик из их класса, Володя Шульман. Юля говорит, евреи – самые лучшие мужья.

– Еврей, с одной стороны, плохо, их притесняют, не позволяют делать карьеру, – шепчет Марина. – А с другой – неизвестно, как жизнь повернется, может, евреям снова откроют выезд – это интересная перспектива!

– Ты что, замуж за него собралась?! – хихикает Алка. Она наконец приняла Марину.

– Алла! – надувает щеки Маринка. – Свою жизнь надо продумывать заранее.

– Так говорит Юля! – хором произносят Даша с Алкой.

Выпускные экзамены прошли для подруг спокойно, не считая неожиданной Алкиной тройки за сочинение. Плохо раскрыла образ деда Щукаря из «Поднятой целины». А может быть, мстительная Анна Ивановна решила на бедной Алке показать, кто все-таки хозяин в доме. После объявления оценок за сочинения родители стали на всякий случай запираить Алку в квартире, чтобы к следующим экзаменам она подготовилась получше. Поняв, что ее держат, как зверя в зоопарке, она вовсе перестала заниматься и часами спала за столом, положив голову на руки. Услышав шаги родителей за дверью, мгновенно просыпалась и начинала светскую беседу.

– Ну как ты, Аллочка?

– Учю, мамочка!

Хорошее отношение учителей спасло ее от троек, и остальные экзамены она сдала прилично, получив четверки по всем предметам и даже пятерку по английскому.

Перед экзаменами Юля излилась на школу конфетно-коньячным дождем. Учителя пожимали плечами, уверяя, что Марина Весницкая учится хорошо и никаких неожиданностей быть не может. Но Юля умело пользовалась двумя взглядами. Берущим взглядом она смотрела на своих пациенток, а дающим по мере надобности решала бытовые проблемы. Размашистым шагом Юля обошла все кабинеты, и все, кто должен был взять, взяли. Без сомнения, способная и усидчивая Марина получила бы пятерки самостоятельно, но Юля ничто в жизни не пускала на самотек. «Все под контролем!» – удовлетворенно повторяла она про себя любимую фразу.

Соне не пришлось в голову ни запереть Дашу, ни сгонять в школу с сумкой шоколада, и в итоге Даша имела в аттестате что заслужила – легкие пятерки по всем гуманитарным предметам и трудные четверки по математике, физике и химии.

На выпускном вечере от лица родителей выступал Алкин отец, красивый и торжественный в своем полковничьем кителе. Пока Алексей Петрович в меру прочувствованно говорил стандартно-трогательные слова, Алка сидела с закрытыми глазами и сморщенным от напряжения лицом, больно вцепившись в Дашину руку, стыдясь и волнуясь. Полковник эффектно завершил речь, послышались аплодисменты, и Алка, прошептав «Слава Богу, все!», открыла глаза, настороженно оглянулась по сторонам, не смеются ли над ее папой, и тоже захлопала.

Алка в вязаном белом платье. Платье чуть короче, чем сейчас модно. Платье вязала Галина Ивановна, и немного не хватило шерсти, Алка плакала, и они с Мариной обошли все магазины, но именно такой, кремово-белой, не достали. Зря она расстраивалась, Алке так даже лучше, выше открыты ее прямые крепкие ноги.

Юля сидит рядом с завучем и, улыбаясь, что-то рассказывает. Она не пользуется сейчас ни дающим, ни берущим взглядом, а просто радуется. Марина в роскошном платье «из посылки». Это значит, чьим-то родственникам из-за границы прислали посылку, в которой было это кружевное платье немыслимой красоты, и Юля у чужих родственников купила его Марине. Юля смотрит сейчас на нее, кажется, даже глаза утирает, неужели плачет? Неуютно, наверное, быть одной, вдруг жалеет ее Даша.

Папа и Соня сидят в правом углу зала и смотрят – Папа рассеянно, а Соня напряженно – на Дашу в широкой голубой юбке и маленьком пиджачке. Специально сшили не платье, а

костюм, чтобы можно было потом носить «как нарядный», а не только один раз надеть на выпускной вечер. После школьного бала она ни разу его не надела, выбросила вместе со школьной формой.

Даша отказывается танцевать с Сергеем. Резко поворачивается, взмахивает голубым подолом и уходит.

– Дашка, жалко его, у него даже слезы на глазах показались, иди найди его, – ноет Алка.

– Он тебе больше не нужен, это бесперспективный вариант! – произносит Марина Юлиным строгим голосом.

Даша, возбужденно подпрыгивая на месте, только машет рукой.

– Девочки, мы больше никогда не наденем синие физкультурные штаны, не будем читать Шолохова, не будем спрашивать друг друга, что задано! Нам ничего не задано навсегда!

– Город ночью иначе пахнет, асфальтом, дождем, сиренью! – замечает Алка, высунувшись в окно. – Я еще никогда так поздно не гуляла!

В однокомнатную квартиру на 5-й Красноармейской надо было пробираться, зажав нос и перепрыгивая через лужи мочи на каждом этаже. Родителей, приводящих сюда детей-абитуриентов заниматься математикой, это не смущало. Несмотря на то что девочкам не грозила армия, непоступление в институт было равнодраматичным и для родителей мальчиков, и для родителей девочек, считавших провалившегося на экзаменах ребенка позором семьи. Последующая учеба неудачника на вечернем или, не дай Бог, страшно сказать, работа числилась общесемейным провалом.

На время предэкзаменационной июльской горячки хороший репетитор мог позволить себе расположить будущих абитуриентов где придется, даже вокруг мусорного бачка. Снятая на несколько месяцев непрезентабельная эта квартира была поэтому плотно, как созревший стручок горошинами, набита вчерашними десятиклассниками. Мальчишки и девчонки выглядывали из каждой щели, в которой помещалось сидячее место.

Сугубо неиндивидуальный подход к обучению также родителей не смущал. Этот репетитор был известен в городе своими связями с приемными комиссиями нескольких технических институтов и потому считался особенно ценным. Его передавали друг другу только очень хорошие знакомые.

За колченогим столом на кухне умещались пять человек, еще семеро занималось в комнате, а двоим бедолагам достались сиротские местечки на табуретках в коридоре. Математик, маленький животатый человечек с отвисшим носом, мотался из комнаты в кухню, как пинг-понговый шарик. На нем всегда пузырилась одна и та же клетчатая, пропахшая потом рубашка.

Дашино место было на кухне. Она сидела за кухонным столом, положив голову на руки, и спала с открытыми глазами, встряхиваясь только с приближением запаха пота. Человечек, нависая животом над столом, быстро спрашивал: «Решили задачу? Вот вам следующая». И снова убегал в комнату. Она ни разу не призналась ему, что не может решить ни одной задачи, только преданно смотрела в глаза и кивала головой.

В час репетитор брал пять рублей, с четырнадцати душ получалось семьдесят. Папа получал большую профессорскую зарплату – пятьсот рублей в месяц, Алкин отец, полковник, тоже зарабатывал много, триста пятьдесят рублей, а Соня служила в НИИ за обычную инженерскую ставку, сто шестьдесят рублей. У Маринкиной Юли зарплата была такая же. Дополнительно к зарплате она, по ее собственному выражению, «вынимала из женского полового органа» бесконечные коробки конфет, бутылки коньяка, дефицитные театральные билеты... да чего там только не было! Частенько в женском половом органе находились деньги, в основном за произведенный под наркозом аборт. «Репетиторы за лето зарабатывают на машину», – завистливо и печально говорила Юля, сожалея о невозможности сезонно набрать целую корзину аборт, выросших как грибы под летним дождем.

– Чертова математика, чертовы интегралы, – злобно бормотала Даша, скатываясь по ступенькам и стараясь не угодить в лужу.

Сегодня она заснула по-настоящему, полностью одурев от духоты, запаха чужого пота и флюидов напряженной умственной деятельности, исходящих от соседей по столу. Во сне ей привиделся оживший интеграл, оказавшийся стоящим на задних лапах крокодилом. «Шла бы ты, Даша, спать. Или читать. Или писать. Меня ни за что не взять!» – сказал крокодил-интеграл. Оставшуюся часть урока она потратила на размышления о правильности выражения «крокодильи лапы». Не лучше ли будет звучать «крокодильи ноги»?

Даша затесалась в толпу поступающих в технические вузы неожиданно для самой себя, поэтому ей казалось, что она здесь случайно. Папа дружил с Юрием Викторовичем, доцентом кафедры общей химии в университете, а Юрий Викторович дружил с доцентом кафедры русского языка Игорем Сергеевичем. Игорь Сергеевич обещал попросить своего заведующего кафедрой, чтобы он, в свою очередь, попросил за Дашу на кафедре английского языка, чтобы он... и так далее, чтобы Дашу приняли в университет на филологический факультет. Кто-то заболел, сложная цепочка рассыпалась и не подлежала восстановлению. Тогда Папин друг Юрий Викторович веско произнес:

– Соня, я не советую тебе травмировать Дашу. На филфаке учится единственный еврей, внук профессора Рогинского. Не принять внука такого известного ученого просто не могли. Твой муж не профессор Рогинский, уж извини! Впрочем, как и я...

– Но Даша по паспорту русская, они не могут узнать... – Сонины глаза наполнились слезами.

– Сонечка, – вмешался Папа. – В анкете при поступлении отвечают, были ли твои родственники в оккупации, а уж национальность матери указывается в самом начале. У Даши нет никаких шансов. Вот и хорошо, просто замечательно. Пойдет ко мне в холодильный институт. И проблем с поступлением не будет.

Сонин опыт не оставлял ей места для наивного неведения, но когда дело касалось Даши, она, как маленький ребенок при игре в прятки, закрывала глаза, надеясь, что ее никто не найдет. У Папы тем более не возникало ни малейших сомнений в ином ходе событий, но, чувствуя неосознанную неловкость, он надеялся – вдруг произойдет чудо и полужидкую Дашу примут в университет. Тогда Соня будет счастлива. Трезвые, вполне справившиеся с жизнью люди, они оба немного закрывали глаза. Прикрыв глаза, Соня видела Дашу, а Папа – Соню.

– Я ненавижу твою математику. – Она так удивилась, что произнесла это без каких-либо эмоций.

– Ничего. – Папа был бодр и доволен. – Ты не идиотка, ты же моя дочь, справишься. Закончишь институт, я напишу тебе диссертацию, и будешь преподавать. Что может быть лучше для женщины!

Даша подумала, что Папа вовсе не расстраивается, а втайне радостно потирает руки.

Три дня Соня приходила с работы рано, минуя Гостиный Двор, ужинала и мрачно ложилась с книгой на диван. С Папой она беседовала очень холодно, пока Папа не погладил ее по голове, как маленькую, и не сказал:

– Сонечка, ты в самом деле надеялась на университет, да еще и на филфак? Я всегда знал, что будет именно так, просто не мешал тебе играть. Не заболевай завкафедрой Игоря Сергеевича, в другом месте был бы сбой... Какой филфак евреям? Неужели жизнь тебя ничему не научила? И на нас с Юркой ты сердишься зря, он искренне пытался помочь, я вообще подозреваю, что профессор сразу отказал, а Игорь Сергеевич сослался на его болезнь просто из чувства такта.

– Мы же специально записали Дашу русской, мы же хотели, чтобы у нее не было таких проблем, как у меня, она такая способная девочка, – плакала Соня, горестно поджимая губы.

– Соня, все. Существуют определенные правила: евреи могут учиться в любом техническом вузе и в некоторых гуманитарных институтах второго ряда, например, в институте культуры.

– В кулек ребенок не пойдет ни за что! Кем ты хочешь ее видеть? Библиотекарем?!

– Тогда можно попробовать на какой-нибудь гуманитарный факультет в Герцена, хочешь?

– Мой ребенок не будет школьной училкой! К тому же там совсем нет мальчиков... – Соня задумалась. – Тебе не понять... Это в наших еврейских генах – желание дать ребенку самое лучшее.

– Если ты желаешь практиковать свои еврейские черты, то вспомни, что в евреях генетически заложена покорность судьбе, и успокойся. К тому же представь только, с какими изнеженными мальчиками она может встретиться на филфаке. Нет, настоящие мужики – технари! Так что все к лучшему!

...Правильная отличница Соня получила в конце 50-х красный диплом, и дальше история разворачивалась, как в плохом рассказе «Как угнетали евреев». Выпускников с хорошими дипломами распределяли в научно-исследовательские институты, красному диплому полагалась аспирантура, а троечники покорно отправлялись по заводам. Самым ужасным распределением считался завод резиновых изделий «Красный треугольник», куда обычно отправляли самых провальных студентов. Последующую жизнь они бесперспективно коротали у конвейеров без всякой надежды на освобождение.

Пожилой улыбчивый профессор на этот раз не улыбался своей любимой студентке Софье Коробовой, бывшей Гохгелеринт. Уперев глаза в стол, он очень быстро произнес:

– Пришло распределение. Вам, Софья, на «Красный треугольник». – Тут он грустно покачал головой, подчеркивая окончательность принятого решения.

– Мне? На «Красный треугольник»? У меня же красный диплом... – непонимающе прошептала Соня.

– Простите... простите меня, – вдруг как-то очень по-человечески, как будто Соня была его любимой племянницей и они собирались пить чай с конфетами, вырвалось у профессора, заведующего кафедрой, автора множества книг. – Я ничего не могу для вас сделать.

Следующие десять лет с восьми до пяти она простояла у конвейера, с которого сходили резиновые изделия, а именно – галоши для трудящихся родного города.

Через десять ужасающих лет Соня, которая вечно всего боялась, приняла неожиданно отважное решение уйти с завода и искать другую, менее резиновую работу. Сонин непрерывный трудовой стаж мог прерваться, уход с работы в никуда был для конца 60-х нетривиально-смелым шагом.

– Хватит, уходи! – решительно сказал Папа и шутливо добавил: – Многие трудящиеся благодаря твоему труду уже находятся в галошах, а всех все равно не обгалошишь!

Никакой работы для Сони не находилось, хотя приходила она, конечно же, по знакомству, вздыхая у двери отдела кадров и, на всякий случай, повторяя про себя: «Я к вам от такого-то...». В отделе кадров изучали ее личное дело, где, несмотря на новую нееврейскую фамилию Коробова, черным по белому в графе «национальность» было строго отмечено «еврейка», еврейка, ев-рей-ка, и все тут! Через полгода мытарств по отделам кадров она уже находилась в перманентном истерическом припадке от собственной неустроенности. И тут из Сибири пришло письмо, в котором ее умная старшая сестра Берта писала: «Сонечка, девочка, ты не должна думать, что тебя не берут на работу в НИИ из-за того, что ты еврейка. Это какое-то недоразумение! Национальный вопрос был решен в нашей стране сразу после революции. Советская власть дала нам все! Я – врач, мой муж Исаак – строитель, а где бы мы были, если бы не революция, – в маленьком местечке за чертой оседлости! Не плачь, моя хорошая! Если это безоб-

разие будет продолжаться, я приеду в Ленинград, пойду к секретарю райкома и буду с ним говорить как коммунист с коммунистом!»

К совершенно искренне написанному письму Берта прилагала фотографию, с которой весело смотрели на Соню сама Берта, главный врач местной больницы, ее муж Исаак, замдиректора большого сибирского завода, высокий, широкоплечий, со строгим лицом и мягкими глазами, и их дочь Ривка, толстушка с большой грудью, бессменный секретарь комсомольской организации школы.

– Я очень люблю твою сестру, – сказал Папа, с письмом в руке выйдя на кухню, где Даша в очередной раз утешала маму. – Но, Боже мой, что советская власть сделала с людьми, даже с такими умными и честными, как Берта! Правда, может быть, там, в маленьком сибирском городке, легче во что-то верить...

– Тише, что ты говоришь при ребенке, еще ляпнет что-нибудь в школе, – зашикала, ужаснувшись, Соня, даже плакать забыла.

– Я не ляпну, – обиделась Даша. – Я знаю, где и что можно говорить!

Папа с сомнением посмотрел на Дашу и неуверенно продолжал:

– Моя дочь не дура, и вообще ребенок должен понимать, что происходит вокруг...

– Тебе легко болтать, – не сдавалась Соня. – Ты русский, по крайней мере по паспорту, а вы, русские, не знаете, что такое генетический страх! Твой отец понимал это, когда потерял документы в войну! Ребенку одиннадцать лет, и я не позволю! Она должна думать так, как думают все!

Соня выскочила из кухни, но тут же засунула голову обратно и, подняв указательный палец, выкрикнула:

– Как все, слышишь! Даша должна быть как все! – И так яростно хлопнула дверью, что с нижнего этажа пришла соседка.

– У меня закачалась люстра! Ссорьтесь, пожалуйста, потише, это же хрущевка! – мирно попросила она.

Не сразу все устроилось, но устроилось. Соню взяли в большой научно-исследовательский институт, так что советская власть в очередной раз дала Дашиной семье все...

Школьная математика непонятна, как все неинтересное. Конечно, о поступлении в Папин институт можно не беспокоиться, но не хочется стыдиться дочери перед приятелями из приемной комиссии. Короче, Папа сам взялся подготовить ее к экзаменам.

Все-таки Даша оказалась немного идиоткой.

– Позор! Чему тебя учили в школе! И это моя дочь! – бешено сверкая глазами, истерически кричал Папа и нервно закуривал.

– Папа у Даши силен в математике, учится Папа за Дашу весь год, – робко пыталась пошутить она, но Папе, обычно витающему в облаках, не нравились ее шутки. Он злобно дрожал, скалил зубы и, кажется, готов был Дашу укусить.

После нескольких скандалов, сопровождаемых Папиным битьем себя в грудь и Дашиными слезами, она была отправлена к репетитору, отрепетирована и как миленькая поступлена в Папин институт холодильной промышленности.

Алкина тетка, всю жизнь преподающая на филфаке, легко убедила брата, что, не имея ни малейшей склонности к научной деятельности, незачем поступать в университет. В педагогическом Алка выучит разговорный язык не хуже, и ее не будут утомлять лингвистическими тонкостями. К тому же она будет иметь в руках кусок хлеба на всякий случай. Неизвестно, как сложится жизнь, а учителя нужны всегда, и зарплата у них не меньше, чем у врачей или инженеров. Полковник, не имея особенных амбиций по поводу Алкиного будущего, согласился легко. А Галина Ивановна пропела медовым голосом: «Аллочка, папа правильно говорит».

Тетка нашла однокашницу в Герцена, и, ни на минуту не потеряв свою невозмутимость, Алка оказалась студенткой педагогического и будущим преподавателем химии на английском. Почему именно химии, неизвестно, Алка не отличала таблицу Менделеева от железнодорожного расписания, но что делать, куда могли, туда Алку и поступили. Как и Дашу.

Марина поступила на филфак. Соне это напомнило о ее собственной несбывшейся для Даши мечте, ей казалось, что Маринка заняла Дашино место. Сама Даша относилась к этому не так страстно, как Соня. Как родители сказали, так и правильно.

Марина, правда, бормотала что-то невнятное о будущей работе с иностранцами, выгодных знакомствах и даже, может быть, если повезет, возможных поездках за границу. Но по настоящему важным было сейчас совсем другое.

В субботу вечером по неизжитой еще школьной привычке девочки встречались в кафе. В десятом классе они выбирали каждый раз новую мороженицу, но сейчас, понимая, что кафе-мороженое не отвечает новому положению студенток, впервые направились в настоящий взрослый бар «Висла». Раскачиваясь в манерных деревянных качелях, использовавшихся заведением в качестве сидячих мест, они заказали по коктейлю «Фрукты в шампанском» и молча наслаждались своей взрослой важностью. Первой не выдержала молчания Алка. Она все детство мечтала о собаке, безуспешно выпрашивала «хоть болонку, хоть кого» и наконец к поступлению в институт получила невероятный подарок – разрешение завести собаку вместе с самой собакой, годовалым боксером Лео. Теперь Алка любой разговор начинала со слов «А мой Лео...». Сейчас она пыталась подцепить вишенку из претенциозного коктейля и, зевая, рассказывала очередную историю о своем боксере.

– Так хочу спать, просто умираю... Лео укусила овчарка, я всю ночь его гладила, так и заснула на его подстилке.

– С твоим Лео вечно что-нибудь случается.

– Да, он такой добрый, вообще забыл, что он собака, – оживилась Алка. – Представляете, вчера пошла с ним в булочную, привязала его у входа к водосточной трубе, купила хлеб, выхожу и вижу: сидит Лео, а поводка и ошейника нет – украли.

– Алка, твой Лео пошел в тебя, такой же беспомощный. С нашей Алки тоже каждый снимет ошейник, правда, Дашка?

Даша неопределенно пожала плечами. – Теперь будешь каждый вечер нестись домой гулять. Твои родители сделали тебе подарок, как будто ты в первый класс пошла, а не в институт, – не унималась Маринка.

– Я ему говорю: «Ах ты свинья собачья, тебя обокрали...» – не слушая ее ворчание, нежно ворковала Алка.

– Да, Алка, а ты у нас не свинья, а овца собачья, – продолжала дразнить Марина.

– Маринка, отстань от нас с Лео, мы такие с ним – некусачие, неборючие, неагрессивные... Ну и что?!

– А тебе подарили что-нибудь? – поинтересовалась у Маринки Даша.

– Да, подарили, – важно ответила Маринка. – Папа сказал, что я могу выбрать, что мне нужнее – бабушкино бриллиантовое кольцо или джинсы. Естественно, я сказала, что джинсы, и он купил мне «Levi's», между прочим, с красным флажком, это самый лучший, американский «Levi's»... А Юлия меня чуть не убила, орала, что я не имела права с ней не посоветоваться и теперь все достанется папиной девчонке от медсестры... Но ведь подарок мне, кому нужно дурацкое старомодное кольцо!

– Почему же ты не в джинсах? – опустив глаза на Маринкину клетчатую юбку в складку, спросила Даша грустно и украдкой потрогала свои джинсы «Levi's» с белым флажком. Считалось, что белый флажок значительно хуже красного, и, значит, ее джинсы не такие фирменные, как Маринкины...

– Почему, почему! Они мне малы, вот почему! Других не было, пришлось купить эти! Поэтому я всю неделю сижу на диете, сегодня уже почти влезла лежать... Кстати, давайте закажем что-нибудь поесть, а то меня уже тошнит от голода...

Джинсовая мода была самой настоящей жизнью со своими законами, в ней существовала сложная иерархия фирм, моделей, строчек. Иерархию положено было знать.

Слово «джинсы» звучало в ушах подруг волшебной музыкой, сопровождавшей их в новую взрослую жизнь. В тот же день, когда Даша получила студенческий билет, Папа повел ее к себе на кафедру в маленький закуток, принадлежащий лаборантке Тамарке. За шкафом, в котором у Тамарки хранились реактивы и колбы, она, стоя в трусиках и растерянно улыбаясь, разглядывала тонкие темно-синие джинсы. Лаборантка Тамарка нетерпеливо дернула ее за руку, и Даша поспешно натянула джинсы на себя. Зеркала в закутке не было, поэтому вместо зеркала пришлось использовать Тамарку. Худая, с черными растрепанными волосами, похожая на ворону Тамарка, придирчиво оглядев ее, сказала: «Берите, не сомневайтесь!» Папа с отсутствующим видом вынул кошелек, и Даша ушла, прижав к груди джинсы, завернутые в газету. Уважение к новой себе, человеку, несущему под мышкой настоящие, а не какие-то индийские джинсы, росло по мере приближения к дому.

Соня открыла ей дверь и не успела сказать ни слова, как Даша в прихожей мгновенно выползла из юбки, надела джинсы и, затаив дыхание, улыбнулась в зеркало небрежной гордой улыбкой.

– Мама, джинсы... – не в силах оторвать глаз от своего отражения, прошептала она.

Алке джинсы пока еще не купили. «Сто шестьдесят рублей, мамина зарплата», – с при дыханием говорил полковник. В ответ она робко шептала: «А всем купили...» И полковник, вцепившись в нее глазами, радостно наращивал пафос: «Я не собираюсь поощрять спекулянтов! Это безнравственно!» Алка расстраивалась, а Галина Ивановна вечерами вязала обтягивающие свитерочки и шила узкие юбки. Ее дочка умела их носить особенным образом, чтобы выглядеть пусть не такой модной, как подруги, но не менее привлекательной.

Впрочем, дело было не в привлекательности и не в моде, просто наличие джинсов служило неким знаком личного качества! Отсутствие же было знаком личной второсортности. Дашиным родителям тоже было странно отдать целую Сонину зарплату за жесткие синие штаны, но что делать, если ребенок просит!

Юля хорошо понимала, что такое знаковые вещи. Она сама шла по жизни, прижимая к груди знаковые предметы своего поколения: перламутровый сервиз «Мадонна», чешский хрусталь, макулатурного Пикуля... она просто не успела сама купить Марине две, нет, три пары джинсов! Подумать только, ее дочь оказалась клинической идиоткой! Представьте себе, предпочесть джинсы бриллиантовому кольцу! У бабки не было камней меньше чем в половину карата! А этот ее отец, он, конечно, рад обмануть девочку!

Став студентками, девочки немедленно приобщились к сложному и волнующему процессу добычи модной одежды. Соня почти ежедневно возвращалась с работы через Гостиный Двор, и раньше Дашу очень радовали ее удачи. Но в замечательном платье-сафари, купленном в Гостином, ходили все, а в театральном фойе навстречу Даше шла девушка в Дашином свитере, а в институтском гардеробе на вешалке висели одинаковые финские куртки, как будто студенты были питомцами финского детского дома.

От полной идентичности одетых из советской торговой сети сограждан спасали только спекулянты.

Все Дашины возможности по этой части были связаны только с Мариной.

– Одна мамина знакомая обещала взять меня в пятницу к своей спекулянтке, – звонила Марина, задыхаясь от восторга. – Я попробую к ней подлизаться, может быть, она разрешит и тебя взять.

До пятницы Даша не живет, а мечтает – вдруг знакомая согласится! Марина не звонит, и в четверг вечером, уже ни на что не надеясь, Даша звонит сама.

– Она сказала, что не может брать туда чужих людей, – важно передает Марина решение счастливой хозяйки спекулянтки.

Конечно, чужие Юлины подруги не хотят делиться своей спекулянткой с Дашей, каждая строго оберегает свой источник, стремясь припасть к нему в одиночестве.

– Я понимаю, она сидит на цепи у дверей своей спекулянтки и лает на чужих, – мрачно шутит Даша, стараясь не заплакать у телефона.

Иногда Даше везет, и ее берут с собой. Тогда девочки поднимаются по чужой лестнице, возбужденно хихикая от предвкушения чего-то невероятного.

Самая ценная спекулянтка, к которой девочкам удастся попасть, умопомрачительно модная дама Евгения Михайловна, служит в «Интуристе». Она носит дома такие вещи, которые Даша с Мариной не надели бы даже в институт, а только «на выход». Хамоватая небожительница в голубых джинсах и белой прозрачной рубашке курит длинную коричневую сигарету «Мо». Сигарета вызывает в девочках такое нежное дрожание, какое бывает у семилетних мальчишек при виде пистолета или фонарика.

Евгения Михайловна небрежно выкидывает пакеты с английскими надписями на кровать, и Даша с Мариной, напряженно поглядывая на нее и друг на друга, осторожно вынимают из них яркие тряпочки. Поеживаясь под презрительным взглядом спекулянтки, девушки торопливо примеряют одежду и, скрывая ужас перед возможной ценой, робко спрашивают: «Сколько это стоит?» Они надеются, что выданных на поход денег хватит хотя бы на одну вещь.

Марина и Даша по несколько раз передумывают, что-то прикидывают про себя, объясняются друг с другом взглядами и пожатием плеч и обязательно что-нибудь покупают, даже если ничего не понравилось, иначе в следующий раз их сюда не пустят. Красочных пакетов с английскими надписями им не дают, свою добычу – свитер, джинсовую курточку, футболку или трусики – они несут в руках.

Очень удобно, что Маринка выше Дашы на полголовы и носит полный 46-й размер, а мальчишеского вида Даша болтается в 42-м, поэтому они не конкурентки и не вырывают одежду друг у друга. Как дружная пара цапель, выискивающих в болоте лягушек, они нависают над кроватью, копаясь в куче тряпок, и передают друг другу подходящие вещички. Особенно трепетно берут в руки тонкое кружевное белье, так непохожее на белые хлопковые трусики и лифчики с большими пластмассовыми застежками, надетые на них самих.

– Смотри, какой лифчик странный, – шепчет Маринка Даше.

– Это специальный лифчик на косточках, он очень хорошо держит грудь, – снисходит до них Евгения Михайловна.

– Я его беру! – одновременно выкрикивают девчонки.

– Девушки, а размер имеет для вас значение? Или вас такие мелочи не смущают? – Интуристовская дама окидывает оценивающим взглядом полногрудую Марину. – Или вы, – теперь она обращается к тощей Даше, – собираетесь носить этот лифчик вместе с подругой?

Девчонки переглядываются и краснеют.

«У вас, дорогая Евгения Михайловна, грудь, наверное, свисает до ваших костлявых колен, а мы пока можем вообще без лифчика ходить. Подавитесь вашим лифчиком и всем остальным!» – немисливо хочется ответить. Ничего, они тоже повзрослеют и когда-нибудь не позволят хамить себе так изысканно, что становится еще обидней!

Даша уходит довольная – ладно, согласна, до этого лифчика ей расти и расти, зато достались удивительные трусики. До сих пор вершиной ее интимной элегантности были трикотажные трусики «неделька» с цветочком и названием дня недели на белом фоне. На лестнице Даша рассматривает два капроновых треугольничка, соединенных атласными ленточками:

– Какая красота!

Маринка насупилась. Молчит, не радуется Дашиной удаче.

– Ты должна мне отдать эти трусики! Это моя спекулянтка! Это я тебя сюда привела! – неожиданно злобно говорит она.

«Не отдам ни за что!» – думает Даша, а вслух размеренно произносит:

– Во-первых, так говорить не по-дружески. Во-вторых, ты ведешь себя неприлично. И наконец, они тебе малы.

– А тебе велики! Отдай, Дашка!

– Принципиально не отдам! Нельзя вырывать у людей все, что тебе хочется иметь сию минуту, даже нижнее белье, – холодно поучает Даша.

Они спускаются вниз и расходятся в разные стороны, не попрощавшись.

Маринка звонит только через три дня и говорит специальным ласково-ехидным голоском: – Носи трусики, Дашенька, носи на здоровье, а твоя подруга пусть сидит на лекциях в розовых штанах с начесом... или вообще без трусов... – Затем серьезным тоном продолжает: – Какие же мы все-таки убогие бедняги, из-за трусов поссорились... В любой стране, даже в какой-нибудь Болгарии, совсем другая, полная разнообразных трусов жизнь... Только при развитем социализме лучшие друзья вынуждены драться за трусы зубами!

– Тсс! Ты с ума сошла, говорить такие вещи по телефону! – Даша в ужасе прикрывает трубку рукой. – Ладно, заberi ты эти трусы, раз ты такая, Мариночка, – таким же тоном шутит Даша. – Сколько можно говорить об этой трусиной склоке! Или трусячей?

Даша обойдется без трусов, у нее есть кое-что получше – Женька.

В начале сентября, через несколько дней после начала учебного года, стоя на лестнице, Даша изучала расписание занятий первого курса. Боковым зрением она наблюдала за мальчиком, который описывал вокруг нее круги, постепенно уменьшая радиус кружения. Невысокий, чуть выше Даши, с женственно-мелкими чертами лица и вьющимися светлыми волосами, он имел полное право считаться симпатичным и даже красивым, но Даше такие, как он, решительно не нравились.

Мальчик подкружил к Даше и, приятно улыбнувшись, очень взросло произнес:

– Я никогда не встречал такой красивой девочки. Меня зовут Женя, Женя Кротов. Я учусь с вами в параллельной группе. Можно мне пригласить вас вечером в гости к моим друзьям?

– Э... да, можно. – Было ужасно приятно, но Даша чуть растерялась от такой светскости.

В гости они поехали от Садовой на трамвае. У Жени было двадцать копеек, а два билета стоили шесть, и, чтобы собрать сдачу, он встал у кассы, говоря каждому новому пассажиру: «Не опускайте, пожалуйста».

Обычно Даша и сама собирала сдачу, ведь хлеб, например, стоил как раз эти четырнадцать копеек, но сейчас ей было немного неприятно. На первом свидании Женя мог бы постесняться и не проявлять такую мелочность. «Теперь он точно мне не нравится!» – куksилась Даша, делая вид, что торчит у кассы случайно и вообще сама по себе.

Все гости были знакомы между собой. Это сын артиста такого-то, а это – дочка певицы такой-то, шептал Женя Даше, невзначай прижимаясь к ее щеке. От небрежного упоминания знаменитостей стало неловко, и она тут же мельком оглядела себя в зеркале, чтобы удостовериться, что выглядит лучше коровистой дочки знаменитой певицы. Некоторые названные Женей фамилии были ей незнакомы, и, начав от этого нервничать еще больше, Даша вдруг разозлилась и обрeзала Женю:

– Подумаешь, дочка актера, а я, между прочим, дочь своего Папы!

Женя посмотрел на нее удивленно и обиженно. Он специально ждал этой большой вечеринки, чтобы позвать Дашу с собой и продемонстрировать ей все самое лучшее, что у него есть, а она почему-то обиделась.

Расходиться не собирались, хотя, по Дашиным семейным правилам, было уже довольно поздно. Она хотела позвонить домой и предупредить, что придет не в одиннадцать, как собиралась, а в двенадцать, но по всей квартире, перетекая из комнаты в комнату, роились гости. Даша постеснялась звонить домой, решив, что в таком светском обществе не принято ежеминутно трезвонить маме с папой, будто она не взрослый свободный человек, а глупая школьница.

Даша с Женей медленно шли по Садовой к дому. Даша нервничала, но старалась выглядеть взрослой и независимой, хотя больше всего ей хотелось вприпрыжку побежать домой. Она, конечно, не предполагала, что родители мирно спят, пока ее нет дома, но оставалась надежда, что они хотя бы не встречаются ее на улице.

Еще издали она заметила одинокую фигуру, вышагивающую по пустынной улице от угла и обратно к подворотне. Подойдя поближе, обреченно узнала в одинокой фигуре Папу.

– А вон там меня Папа встречает! Его мама послала, – сообщила она Жене, уверенная, что сейчас Женя подведет ее к Папе и скажет: «Извините, пожалуйста, не ругайте Дашу за опоздание, это я во всем виноват!» Ведь именно так всегда происходило в книгах.

– Ах, папа! Ну, тогда я побежал, пока! – восторженно ответил Женя и молниеносно исчез в темноте.

О неудачном свидании она рассказала Алке:

– Представляешь, он так трусливо сбежал! У меня остался неприятный осадок...

– Я в сочинении по «Молодой гвардии» в восьмом классе написала: «После того как Любку Шевцову избили палками, у нее остался неприятный осадок...» – вспомнила Алка. – Помнишь, как все смеялись...

– Если Соня будет так за меня волноваться, надо мной будут все смеяться! Мне останется только гулять в форточку!

Свыкнувшись с Сониным беспокойством как с неперменным атрибутом семейного уклада, Даша в действительности ничуть не сердилась. Скорее она бы недоумевала и расстраивалась, если бы ей не нужно было отчитываться за каждый шаг.

Алка, утешая Дашу, продолжает:

– Ладно, не расстраивайся, тебя что, в первый раз встречают? Помнишь, как мы летом в жуткую жару пошли в «Молодежный» на Садовой, в двух шагах от твоего дома?

Конечно, Даша помнит. Пока они с Алкой смотрели фильм, пошел дождь, и первое, что они увидели, выйдя из кинотеатра, был бедный Папа, держащий под мышкой зонтик и туфли на смену Дашиным босоножкам. Папу с туфлями послала Соня, и у него было строгое лицо человека, выполняющего свой долг.

Даша в детстве подолгу болела, с затяжной субфебрильной температурой неделями сидела дома. Соня входила в дом и от порога, не закрыв входную дверь, кричала: «Температуру мерил?» Лицо ее вспыхивало и гасло: «Как, опять тридцать семь?!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.